Американистика на Дальнем Востоке

Ежегодный бюллетень

4. 2018

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Благовещенский государственный
педагогический университет»

АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Ежегодный бюллетень

Выпуск 4

Благовещенск
Издательство БГПУ
2018

УДК 94 (73)
ББК 63.3 (7 Сое)
А 61

АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ежегодный бюллетень. Вып. 4 / отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – 82 с.

ISBN 978-5-8331-0411-8

В бюллетень включены научные статьи, посвященные наиболее актуальным проблемам американистики. Авторы – ученые и преподаватели вузов Дальнего Востока, центральной России, а также представители зарубежных научных центров.

Бюллетень преследует цель объединить исследователей-американистов из разных регионов для обсуждения наиболее актуальных аспектов истории и культуры США.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического университета

ISBN 978-5-8331-0411-8 © Издательство БГПУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Кузнецов Д.В.

АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ……. 5

ИСТОРИЯ

Косихина С.С., Кирдан М.И.

ЗАКОН ХАРТА-СЕЛЛЕРА 1965 Г. КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЛЯ НОВОГО КУРСА В ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ США……. 25

Осипов Н.И.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПОРОДИВШАЯ РЕВОЛЮЦИЮ (ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОПРАВКИ УИЛМОТА)…… 31

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Федоров Н.В.

АМЕРИКАНСКИЕ СИСТЕМЫ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ…… 42

ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Кузнецов Д.В.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА АМЕРИКАНЦЕВ…….. 47

ФИЛОЛОГИЯ

Сапожникова Ю.В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДОМ» В АНТИУТОПИЧЕСКОМ МИРЕ К. МАККАРТИ……. 63

Степанова В.А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗООМОРФИЗМОВ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В АФРОАМЕРИКАНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЗОРЫ Н. ХЕРСТОН «ИХ ГЛАЗА ВИДЕЛИ БОГА»)…….. 69

МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ

Козлова А.А.

ЭВОЛЮЦИЯ ЖИЛИЩНОЙ СЕГРЕГАЦИИ В ПРИГОРОДАХ США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. …….. 75

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 2015 г. под эгидой Центра американских исследований БГПУ осуществляется выпуск ежегодного бюллетеня «Американистика на Дальнем Востоке». В бюллетень включаются научные статьи, посвященные наиболее актуальным проблемам американистики. Авторы – ученые и преподаватели вузов Дальнего Востока, центральной России, а также представители зарубежных научных центров. Бюллетень преследует цель объединить исследователей-американистов из разных регионов для обсуждения наиболее актуальных аспектов истории и культуры США.

Учитывая, что в настоящее время американистика представляет собой комплексную междисциплинарную отрасль гуманитарных наук, в качестве авторов ежегодного бюллетеня «Американистика на Дальнем Востоке» выступают историки, политологи, социологи, экономисты, правоведы, культурологи, литературоведы, философы, а также специалисты в области международных отношений. В статьях отражены текущая внутренняя и внешняя политика США и их история, правовая и экономическая система США, американское общество и его культура, различные аспекты повседневной жизни общества в США.

В настоящем, 4-м выпуске ежегодного бюллетеня «Американистика на Дальнем Востоке» сформированы следующие, построенные по тематическому принципу блоки статей: ИСТОРИЯ; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ; ФИЛОЛОГИЯ. Кроме того, в отдельный блок, который получил название «МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ», выделены статьи, авторами которых являются аспиранты, магистранты и студенты старших курсов, продемонстрировавшие высокий уровень научно-исследовательской работы в области американистики.

Открывает 4-й выпуск ежегодного бюллетеня «Американистика на Дальнем Востоке» обзорная статья «АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ».

***

К участию в следующих выпусках ежегодного бюллетеня «Американистика на Дальнем Востоке» приглашаются научные работники и преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты старших курсов, а также все заинтересованные лица.

Несмотря на название, участие в следующих выпусках ежегодного бюллетеня «Американистика на Дальнем Востоке» не ограничивается только теми, кто в настоящее время проживает на Дальнем Востоке России. Редакция приветствует участие научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов старших курсов вузов из других регионов Российской Федерации, а также представителей зарубежных научных центров.

Д.В. КУЗНЕЦОВ

АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Дальний Восток – уникальный экономико-географический, историко-культурный и этносоциальный регион Российской Федерации. В географическом плане – это восточная часть России, к которой относят области бассейнов рек, впадающих в Тихий и Северный Ледовитый океаны, а также остров Сахалин, Курильские острова, остров Врангеля, Командорские и Шантарские острова. Представляет собой крайний северо-восток Азии, имеет выход к двум океанам: Тихому и Северному Ледовитому, граничит с четырьмя государствами, в том числе с США, граница с которыми проходит по Берингову проливу[1].

Площадь Дальнего Востока, как региона России, составляет 6,169329 млн км², что составляет более 1/3 от общей площади территории Российской Федерации. В состав образованного 13 мая 2000 г. с центром в г. Хабаровск Дальневосточного федерального округа (ДФО) входят 9 субъектов федерации, расположенных в четырех часовых поясах и самых разных климатических зонах – от арктических пустынь до субтропиков: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность населения Дальнего Востока составляла 6293129 человек[2]. Дальневосточный регион – самый малонаселенный район Российской Федерации. Плотность населения не превышает 1 человека на квадратный километр. Городское население составляет ¾ от общей численности населения Дальнего Востока. Несмотря на то, что подавляющая часть населения – русские, оно отличается пестротой национального состава. Здесь живут украинцы, татары, евреи и большая группа коренных народностей: саха, коряков, нанайцев, нивхов, ульчей, удэгейцев, ительменов, эвенков, айнов, алеутов, чукчей, эскимосов и др.

***

Значительная отдаленность Дальнего Востока России от центральной части страны, фактическая, преимущественно основанная на взаимодействии в сфере экономики, привязанность к странам, расположенным в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в первую очередь, к Китаю, а с учетом тенденций, обнаружившихся в последние десятилетия – процессы, результатом которых «оторванность» Дальнего Востока от остальной части России все еще сохраняется, – все это влияет не только на образ жизни дальневосточников, но также накладывает весьма своеобразный отпечаток на проводимые здесь исторические исследования.

Дело в том, что «оторванность» российского Дальнего Востока от европейской части России, причем не только территориальная, но в определенной степени и ментальная, имеет своим следствием возникновение аналогичной «оторванности» представителей научного сообщества. В сущности, следует говорить о «регионализации», своеобразной обособленности исторических исследований в самом отдаленном регионе Российской Федерации.

Другая, не менее, а возможно, и более важная проблема связана с тем, что дальневосточная историческая наука, прежде всего сосредоточенная в вузах региона, в полной мере ощутила на себе последствия тех радикальных процессов в сфере экономики и социальных отношений, которые начались в нашей стране в эпоху Перестройки и усиливались в течение 1990-х годов. Трудности, с которыми

столкнулись жители Дальнего Востока, резкое падение их жизненного уровня вызвали значительный отток населения в другие регионы Российской Федерации.

Согласно имеющимся статистическим данным, на 1 января 2018 г. на Дальнем Востоке проживало 6165284 человек[3]. Для сравнения, ранее численность населения Дальнего Востока составляла: в 1989 г. – 7,950 млн человек, в 2002 г. – 6,693 млн человек. При этом в 1991 г. была достигнута максимальная численность населения Дальнего Востока – 8,064 млн человек. Таким образом, за период 1991-2017 гг., вследствие депопуляции, главным образом, за счет миграционных оттоков, численность населения Дальнего Востока уменьшилась на 1,8 млн человек, т.е. практически на четверть.

Как свидетельствуют факты, эта тенденция не обошла стороной и научно-педагогические кадры. На постоянное место жительства в центральную часть страны перебрались крупные специалисты в области всеобщей истории, в том числе те, научные интересы которых связаны с изучением истории и культуры США. Так, например, в 1990-е годы исторический факультет Камчатского государственного педагогического университета покинула ученица известного отечественного историка-американиста В.К. Фураева Татьяна Алексеевна Закаурцева, доктор исторических наук, профессор, в настоящее время – Первый проректор по учебной работе Дипломатической академии МИД России (с 2011 г.). Николай Борисович Сторожев, еще один ученик В.К. Фураева, который в 1980-1995 гг. трудился на историческом факультете Южно-Сахалинского государственного педагогического университета, также уехал с Дальнего Востока и с 1995 г. работал в должности доцента на кафедре всеобщей истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

При этом многие молодые ученые, которые в 1990-е и 2000-е гг. направлялись в столичные научные центры, все чаще стали рассматривать очную целевую аспирантуру как способ переселиться в Москву или Санкт-Петербург, результатом чего стало их массовое невозвращение в те высшие учебные заведения, которые надеялись на качественное пополнение своих кадров новыми специалистами. Эта проблема не обошла стороной практически все высшие учебные заведения Дальнего Востока, следствием чего стало нежелание их руководства и далее, путем отправки в западную часть России новых групп молодых ученых, «поощрять» такую политику. В настоящее время обучение в аспирантуре подавляющего большинства дальневосточных историков осуществляется именно на Дальнем Востоке.

Еще одна проблема связана с тем, что стоимость железнодорожных и особенно авиационных билетов оказалась несопоставимой с доходами работников бюджетной сферы, к которым относятся преподаватели. Руководство многих дальневосточных вузов более не желало, а подчас и не имело возможности нести расходы по командировкам своих сотрудников на научные командировки, конференции, круглые столы, семинары, защиты диссертаций. В результате научные контакты ученых Дальнего Востока с Москвой, Санкт-Петербургом и другими крупным научными центрами страны стали ослабевать[4].

Перечисленные обстоятельства, как подчеркивает Д.В. Лихарев, способствовали процессу все большей «регионализации» и изолированности научных исследований в отдаленных субъектах Российской Федерации, прежде всего на Дальнем Востоке[5]. Отсюда одна из особенностей сообщества историков Дальнего Востока заключается в том, что подавляющая их часть ориентирована в своей научной деятельности на изучение проблем, связанных с историей родного края. Краеведческая составляющая в исторических исследованиях преобладает на Дальнем Востоке.

С другой стороны, географическая близость Дальнего Востока к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, наличие контактов разной степени развития с ведущими государствами этой части земного шара (КНР, КНДР, Южной Кореей, Японией, США, Австралией и Новой Зеландией и др.) вызывает значительный рост научного интереса исследователей к проблемам этого взаимодействия, в том числе и в исторической ретроспективе. Ярким примером является весьма успешное развитие китаеведения на Дальнем Востоке России. Этому также способствует и то немаловажное, на наш взгляд, обстоятельство, что во многих вузах Дальнего Востока открываются новые специальности, в рамках которых осуществляется подготовка специалистов в области регионоведения.

***

Как известно, история американистики, в первую очередь в европейской части России, охватывает значительный период. В Москве[6], Санкт-Петербурге[7], Нижнем Новгороде[8], Самаре[9], Саратове[10], Волгограде[11], Курске[12], Тамбове[13], Брянске[14], Владимире[15], Иванове[16], Вятке[17], Архангельске[18], Калининграде[19] и др. российских городах, в том числе за пределами центрального региона (например, в Томске[20]), в настоящее время весьма активно функционируют многочисленные группы ученых-американистов, возникли научно-исследовательские центры, сложились научные школы[21].

Ведущим центром отечественной американистики является действующий в структуре Института всеобщей истории Российской академии наук (РАН) Центр североамериканских исследований[22], который возглавляет видный российский историк-американист Владимир Викторович Согрин, доктор исторических наук, профессор, председатель Совета созданной в ноябре 2009 г. Российской ассоциации историков-американистов[23], ответственный редактор «Американского ежегодника»[24], автор многочисленных статей и монографий, посвященных США[25]. Одна из последних на данный момент работ В.В. Согрина – «Энциклопедия истории США» (2018 г.), которая является первой в отечественной литературе авторской энциклопедией американской истории[26].

Как подчеркивает В.В. Согрин в своей статье «Состояние и перспективы отечественной американистики», опубликованной в журнале «Новая и новейшая история» в 2014 г.: «Отечественная американистика, являвшаяся в советский период заметной научной дисциплиной, переживает в постсоветский период нелегкие времена. Ее развитие противоречиво. С одной стороны, она, как и другие гуманитарные дисциплины, обрела академическую свободу, развивается в условиях научного плюрализма. С другой стороны, она испытала на себе сокращение государственного финансирования, повлекшего серьезное уменьшение как численности самих американистов, так и количества публикуемых научных работ. Освободившись от директивных указаний КПСС по поводу истинного характера американского капитализма, его внутренней и внешней политики, она не смогла обрести полную независимость от российских политических перипетий»[27].

Между тем, несмотря на наличие целого ряда проблем, затрагивающих сферу американских исследований в нашей стране, о чем справедливо упоминает В.В. Согрин, важно подчеркнуть, что современная отечественная американистика представляет собой комплексную междисциплинарную отрасль гуманитарных наук, что открывает перед американистикой новые возможности. В настоящее время исследования в русле американистики проводят не только историки, но также политологи, социологи, экономисты, правоведы, культурологи, литературоведы, философы, а также специалисты в области международных отношений. Эти

исследования проводятся не только путем обращения к актуальным событиям, явлениям и процессам, но и в исторической ретроспективе.

Значительный вклад в развитие отечественной американистики вносят представители российских вузов, а также научные сотрудники целого ряда учреждений, входящих в структуру Российской академии наук (РАН): Института США и Канады РАН, Института Латинской Америки РАН, Научно-исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН и др.

***

Подчеркнем, что для Дальнего Востока России американистика – это сравнительно новое направление в исторической науке. «В отличие от дальневосточного востоковедения, имеющего более чем вековую традицию и отчетливо выраженную регионоведческую направленность, исследования в других специализациях по всеобщей истории выглядят не столь впечатляющими», – подчеркивает Д.В. Лихарев. И далее: «Пути их становления и развития оказались довольно извилистыми, и подчас носили отпечаток бессистемности. Долгое время исследования по всеобщей истории развивались главным образом при исторических факультетах высших учебных заведений. В идеале советское высшее историческое образование требовало, чтобы основные дисциплины предметной подготовки преподавались специалистами, имеющими ученые степени в соответствующих этим дисциплинам областях научных специализаций… В советское время для дальневосточных вузов имелось два пути обзаведения специалистами с учеными степенями и званиями: направление в аспирантуру крупнейших научных центров Москвы и Ленинграда выпускников столичных университетов, оказавшихся на Дальнем Востоке по распределению, либо направление туда же собственных выпускников. От первого пути подготовки кадров вскоре пришлось отказаться, поскольку выходцы из европейской части России после окончания аспирантуры, как правило, назад не возвращались. Второй путь давал более осязаемые результаты»[28]. В полной мере это можно отнести и к американистике.

Становление дальневосточной американистики в основном происходит в последние десятилетия, преимущественно, в 1990-е и 2000-е гг. Как отмечает Г.А. Казачун, «становлению дальневосточной американистики содействовал длительный опыт контактов российских граждан и американцев, которые впервые устанавливаются еще в конце XVIII в. именно на Тихоокеанском побережье, расширение российско-американских связей на Дальнем Востоке, которые из отдельных эпизодов перерастают в многосторонние отношения, значительно активизировавшиеся на рубеже XX-XXI вв., открытие в 1992 г. Генерального консульства США во Владивостоке»[29]. С указанными обстоятельствами трудно не согласиться.

***

Оценивая состояние научных исследований в области американистики, осуществляемых в настоящее время на Дальнем Востоке, следует указать на существование нескольких центров, где в основном и сосредоточены исследователи – не только историки, но также филологи, лингвисты, культурологи, политологи, научная деятельность которых связана с изучением США. Пожалуй, самым крупным из них является **Владивосток**, где сосредоточена значительная часть американистов Дальнего Востока.

В Дальневосточном государственном университете (ДВГУ), который, как известно, был реформирован в 2011 г., в результате чего был образован Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), ключевым центром

американских исследований длительное время являлась кафедра всеобщей истории исторического факультета Института истории, философии и культуры. Еще с начала 1970-х годов американскими исследованиями занималась ***Галина Сергеевна Сараджан,*** кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ДВГУ, которая прошла научную школу под руководством известного в нашей стране американиста В.К. Фураева, в 1970-е годы возглавлявшего кафедру всеобщей истории ЛГПИ им. А.И. Герцена. В 1970-е годы сферой научных интересов Г.С. Сараджан являлась Вашингтонская конференция и политика США в отношении российского Дальнего Востока (Дальневосточная республика) в начале 1920-х годов[30]. В дальнейшем Г.С. Сараджан разрабатывала проблему российско-американских отношений на Дальнем Востоке[31].

В начале 1990-х годов ДВГУ устанавливает научные контакты с американскими университетами, что привело к росту интереса ученых Владивостока к проблематике, связанной с США. 29 января 1991 г. был подписан договор о сотрудничестве с Мерилэндским университетом, на основе которого в ДВГУ был создан Российско-американский факультет (РАФ). С 1994 г. специализация студентов ДВГУ по США и Канаде осуществлялась в Институте истории, философии и культуры ДВГУ, но кроме того, изучение истории и культуры США происходило в других структурных подразделениях ДВГУ – Владивостокском институте международных отношений и Институте иностранных языков.

Важнейшим фактором, который способствовал росту интереса дальневосточных ученых к американским исследованиям, являлись периодически проходившие научные мероприятия – конференции, круглые столы, семинары.

Первый на Дальнем Востоке международный научно-практический семинар по американистике «American Studies» в мае 1997 г. провело Генеральное консульство США во Владивостоке. Основной темой обсуждения российских и американских экспертов стала проблема изучения истории и культуры США в вузах Дальнего Востока, расширение культурно-образовательных программ между двумя странами.

В 2002 г. ДВГУ при поддержке Генерального консульства США во Владивостоке провел первую на Дальнем Востоке международную научную конференцию «Американистика в странах Тихоокеанского бассейна». В работе этой конференции приняли участие исследователи из Москвы, Владивостока, Уссурийска, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска и других городов. В результате конференция стала крупным научным форумом, объединивших ученых гуманитариев: историков, филологов, лингвистов, культурологов, политологов, специализирующихся в сфере изучения различных аспектов истории и культуры США, явилась новым этапом в координации сил специалистов в области американистики[32].

Значительным шагом вперед на пути развития дальневосточной американистики стало создание в 2004 г. на базе Института истории, философии и культуры Дальневосточного центра изучения Канады и США, который возглавила профессор кафедры всемирной истории ***Галина Александровна Казачун***, закончившая в 1972 г. ДВГУ и в 1979 г. аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Тема научных изысканий Г.А. Казачун – «Западная демократия: проблемы и тенденции политического развития стран Европы и Америки», в рамках которой на основе анализа политического развития стран Запада и, в первую очередь, США и Канады в новейшее время рассматривается опыт формирования и современное состояние правового демократического государства[33].

В задачи Дальневосточного центра изучения Канады и США входили: активизация изучения Канады и США, научно-исследовательской работы по американистике и канадоведению на Дальнем Востоке России, расширение и

углубление сотрудничества между научным сообществом, молодыми учеными стран АТР, оказание научно-методической помощи учителям и учащимся общеобразовательных школ, информационно-аналитических услуг представителям деловых кругов, знакомство широкой общественности российского Дальнего Востока, США и Канады с опытом развития стран, их традиций, культуры для налаживания диалога в поиске решений наиболее значимых проблем региона[34].

С момента своего создания Дальневосточный центр изучения Канады и США осуществлял деятельность по семи проектам: «Канада и США – культура повседневности», «Российский Дальний Восток глазами канадцев и американцев – Канада и США в российском "зеркале"», «История канадского и американского присутствия на Дальнем Востоке России», «Личность, общество и государство: опыт взаимодействия в Канаде и США», «Новые теории и подходы к вопросу о заселении Северной Америки», «Коренные народы Северной Америки: история и современность», «АТР: проблемы региональной и международной безопасности».

Важно, что Дальневосточный центр изучения Канады и США активно сотрудничал с высшими учебными заведениями других городов Дальнего Востока, Приморским институтом переподготовки и повышения квалификации работников образования, Институтом истории, археологии, этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Большую поддержку Дальневосточному центру изучения Канады и США оказывает Генеральное консульство США во Владивостоке, в частности Отдел по вопросам культуры, образования и печати.

Одним из крупных мероприятий, осуществленных Дальневосточным центром изучения Канады и США при поддержке Генерального консульства США во Владивостоке в 2005-2006 гг., стал Международный образовательный, научно-исследовательский проект «США: опыт взаимодействия личности, общества и государства», посвященный 230-й годовщине Декларации независимости и образования США, заключительным этапом которого стала международная научная конференция, которая прошла в ДВГУ 19-20 июня 2006 г. Участниками конференции стали более 60 студентов, аспирантов, молодых ученых из Владивостока, Уссурийска, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска[35]. В целом же в течение 2003-2009 гг. Дальневосточный центр изучения Канады и США провел два научно-практических семинара (2003 и 2004 гг.), одну международную конференцию (2006 г.), одну межвузовскую студенческую научную конференцию: «Новый курс» Франклина Д. Рузвельта: Третья американская революция, три региональных (2005, 2006, 2007 гг.) и две всероссийских (2008, 2009 гг.) Летние школы по проблемам международной и региональной безопасности для студентов, аспирантов и молодых ученых, четыре краевых Весенних школы (2006, 2007, 2008, 2009 гг.) для учителей и учащихся.

В рамках Дальневосточного центра изучения США и Канады осуществлялась подготовка специалистов по американистике и канадоведению. Несколько аспирантов осуществляли исследования на диссертационном уровне.

В 2000-е годы в ДВГУ, после создания здесь в 2000 г. совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по двум специальностям (отечественная история и всеобщая история), прошла защита нескольких диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по американистике, которые на основе своих исследований представили ***Евгений Викторович Журбей***[36] и ***Елена Александровна Романова***[37]. Диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук представил ***Петр Юрьевич Самойленко***[38].

Впоследствии, в ходе реорганизации, результатом которого явилось образование Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), деятельность Дальневосточного центра изучения США и Канады фактически прекратилась.

В настоящее время в Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ), в частности, на кафедрах и в департаментах, входящих в структуру Восточного университета – Школы региональных и международных исследований и Школы искусств и гуманитарных наук, сосредоточена группа тех ученых, которые ранее, будучи сотрудниками ДВГУ, занимались исследованиями в области американистики. Приходится констатировать, что их сейчас очень немного.

Осуществляются, однако, исследования в русле американистики на диссертационном уровне, хотя их не так много[39]. Более популярными являются диссертационные исследования, посвященные проблемам Китая, что свидетельствует об определенных приоритетах, получивших в последние годы распространение в ДВФУ.

Тематика отдельных конференций, которые проводятся на базе ДВФУ, частично связана с проблемами американистики, причем, как правило, они рассматриваются в контексте процессов, получивших развитие в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом[40].

На общественных началах, опираясь в своей деятельности на студентов и преподавателей Восточного университета – Школы региональных и международных исследований ДВФУ, а также активистов ассоциации изучения Канады – действует Центр изучения Канады, который был создан еще в 2000 г. в рамках ДВГУ. Директором Центра изучения Канады является Тамара Ивановна Денисенко.

В 1990-е и 2000-е гг., помимо ДВГУ, учебную и научно-исследовательскую работу по американистике осуществляли и другие высшие учебные заведения, расположенные во Владивостоке. Сосредоточением американистов во Владивостоке являлся Институт международных отношений и социальных технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС). ***Лариса Николаевна Гарусова***, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, в исторической ретроспективе (с конца XVII до начала XX вв.) исследовала российско-американские связи на Дальнем Востоке[41]. В 2002 г. Л.Н. Гарусова защитила докторскую диссертацию[42]. Л.Н. Гарусова – автор нескольких монографий, в которых удалось собрать и обобщить обширнейший фактический материал о контактах Российского Дальнего Востока с Соединенными Штатами Америки на протяжении последнего десятилетия XX в.[43]. С 2012 г. Л.Н. Гарусова – главный научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН[44].

В 2005 г. Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН состоялись две защиты кандидатских диссертаций, авторами которых являются ученицы Л.Н. Гарусовой – ***Татьяна Владимировна Грехова***[45] и ***Наталья Владимировна Ефременко***[46]. Их работы посвящены актуальным проблемам истории современных США. Еще одна ученица Л.Н. Гарусовой – ***Александра Павловна Пигинешева*** – в своих научных изысканиях обратилась к внутриполитическим сюжетам современной истории США – роли, которую в политической системе США играют этнические факторы. В 2011 г. она также защитила кандидатскую диссертацию[47].

Одним из крупных на Дальнем Востоке специалистов по проблемам американской культуры является доктор филологических наук, профессор ***Мария Григорьевна Лебедько***, которая в 1999 г. в соавторстве с коллегой опубликовала фундаментальный словарь-справочник «Американское "лоскутное одеяло": Справочник по американской культуре». В этом уникальном издании представлено несколько тысяч словарных

статей, раскрывающих повседневную культуру США; включены также сведения по государственному устройству, экономике, истории, географии, литературе, искусству[48].

Исследования в области филологии, связанные с изучением современной литературы США, осуществляет ***Евгения Михайловна Бутенина***, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного университета – Школы региональных и международных исследований ДВФУ[49].

Валентина Николаевна Чернавская, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – специалист по историографии (в том числе англоязычной) освоения и заселения российского Дальнего Востока[50].

Кстати, в последние годы значение Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН применительно к развитию исследований по всем отраслям всеобщей истории на Дальнем Востоке, в том числе и в области американистики, возросло. Учитывая, что под эгидой этого академического учреждения издается журнал «Россия и АТР», а само оно, располагая соответствующими научными кадрами, имеет прекрасную возможность предложить историкам такие немаловажные вещи, как научное руководство, возможности защиты, а также публикации результатов их исследований, это не вызывает сомнений. Расширение сотрудничества с Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН дает дальневосточным вузам неплохой шанс в наращивании кадрового потенциала научно-педагогических работников по всеобщей истории[51].

Правда, следует указать на специфику деятельности Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в русле американистики. Эта специфика заключается в том, что в центре внимания находится текущая социально-экономическая и политическая ситуация в США, внешнеполитическая деятельность США, в первую очередь, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К примеру, именно этому посвящены отдельные выпуски выпускаемого в 1974-1991 гг. и с 2007 г. под эгидой Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана», цель которого заключается в научно-информационном обеспечении мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР[52].

***

В **Уссурийске**, первоначально в Уссурийском государственном педагогическом университете (УГПУ), где в 1985 г. на историческом факультете была образована кафедра всеобщей истории (с 2011 г. – кафедра исторического образования, действующая в структуре Филиала Дальневосточного федерального университета в г. Уссурийске – Школы педагогики), американскими исследованиями занимается ученик В.К. Фураева ***Константин Теодорович Тихий***, профессор, доктор исторических наук. К.Т. Тихий специализируется по проблемам советско-американских отношений 20-х и 30-х годов XX в., которые рассматриваются в том числе и в контексте такого феномена как общественное мнение[53]. В 2000 г. им была защищена докторская диссертация «Американское общественное мнение о советском государстве, 1921-1933 гг.», на основе которой была опубликована монография[54].

Дмитрий Витальевич Лихарев, профессор, доктор исторических наук, хотя и является специалистом по истории Великобритании, исследует проблемы военно-морского соперничества Великобритании и США в 1919-1929 гг. В 1995 г. в Санкт-

Петербургском государственном университете им была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук[55].

Еще одним специалистом, научные интересы которого связаны с историей США является ***Евгений Александрович Пазенко***, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического образования Филиала Дальневосточного федерального университета в г. Уссурийске – Школы педагогики. В 1999 г. Е.А. Пазенко защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Общественно-политическая мысль на Юге США в 1830-1850-е гг.»[56].

В 2000-е годы под руководством специалистов из Уссурийска был защищен ряд кандидатских диссертаций по американистике и канадоведению. Диссертации к защите представили: ***Оксана Анатольевна Лихарева***[57], ***Наталья Владимировна Ефременко***[58], ***Екатерина Сергеевна Симоненко***[59].

***

Еще одним крупным центром американских исследований является **Хабаровск**. Причем традиции изучения истории и культуры США в Хабаровске весьма глубоки. Еще в советский период сложилось тесное сотрудничество между Хабаровским государственным педагогическим институтом и Московским государственным педагогическим институтом. Первый заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета одного из старейших на Дальнем Востоке педагогических вузов Н.В. Свердлов наладил тесные контакты с одним из крупнейших специалистов в области истории международных отношений на Дальнем Востоке академиком АН СССР А.Л. Нарочницким, который в то время заведовал кафедрой новой и новейшей истории МГПИ им. В.И. Ленина. А.Л. Нарочницкий весьма охотно принимал аспирантов-хабаровчан, брал на себя руководство их диссертационными работами. В результате большинство преподавателей кафедры всеобщей истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета (ДВГГУ) являлись питомцами научной школы А.Л. Нарочницкого. Это предопределило основное направление их научно-исследовательской работы – история международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе[60].

С 1991 г. кафедрой всеобщей истории ДВГГУ заведовал доктор исторических наук, профессор ***Михаил Иванович Светачев*** (1930-2015 гг.) – один из наиболее авторитетных специалистов по всеобщей истории на Дальнем Востоке, автор опубликованной в 1983 г. монографии «Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.)»[61]. В 1990-х годах М.И. Светачев работал в составе коллектива специалистов, готовивших серию документальных публикаций по истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Значение этих документальных сборников состоит в том, что в них не только широко представлены отечественные архивные материалы, многие из которых впервые введены в научный оборот, там же помещены переводы документов из зарубежных изданий, которые на русском языке не издавались. Благодаря этому была предоставлена возможность ознакомиться со свидетельствами непосредственных участников событий 1918-1922 гг., в том числе интервентов из США, составить о них более объективное представление[62].

М.И. Светачев выступал в качестве научного руководителя аспирантов. Одна из диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук была представлена в 2011 г. Автор – ***Екатерина Сергеевна Юрченко***[63], в настоящее время – доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Тихоокеанского государственного университета. В 2016 г. была издана монография «В. Вильсон и Белая Россия: Отношение правительства США к проблеме дипломатического признания и поддержки

антибольшевистских правительств в России, 1917-1920 гг.», автором которой является Е.С. Юрченко[64].

Валерий Николаевич Тимошенко, кандидат исторических наук, доцент, возглавлявший кафедру всеобщей истории ДВГГУ, изучал международные отношения в южной части Тихого океана в 70-90-х годах XX в., внешнюю политику, которую в этом регионе земного шара осуществляли США, а также Австралия и Новая Зеландия, Европейский Союз, Китая и СССР / Россия[65].

В 2015 г. произошло слияние Дальневосточного государственного гуманитарного университета и Тихоокеанского государственного университета, в результате чего факультеты ДВГГУ стали факультетами ТОГУ в составе Педагогического института ТОГУ.

На кафедре всеобщей истории ДВГГУ долгое время работал ***Александр Леонидович Анисимов,*** впоследствии – профессор кафедры общеправовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ России. В сфере его научных интересов – политика США на Дальнем Востоке в 30-60-х гг. XIX в. А.Л. Анисимов хорошо известен на Дальнем Востоке своими многочисленными публикациями по проблемам истории российского Дальнего Востока и истории международных отношений на Тихом океане XVIII-XIX вв. Отдельный интерес историка – это дальневосточная политика США в регионе на фоне формирования и столкновения здесь интересов США и Китая, США и Японии. Обобщением многолетних исследований по теме стала его монография «Дальневосточная политика США в 30-60-е гг. XIX в. Отношения США с Цинской империей и Японией», изданная в Хабаровске в 2002 г.[66]. В 2006 г. в Волгограде А.Л. Анисимов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук[67].

Среди учеников А.Л. Анисимова – ***Екатерина Александровна Фролова***, которая, будучи аспирантом кафедры истории Отечества, органов безопасности и зарубежных пограничных органов Хабаровского пограничного института ФСБ России, в 2010 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Российско-американские отношения на Дальнем Востоке»[68].

***

В **Комсомольске-на-Амуре**, в Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете на факультете истории и юриспруденции свои научные изыскания, связанные с политикой США в Индокитае после 1945 г., проводит кандидат исторических наук, доцент ***Валерий Владимирович Иванов***. В 2002 г. во Владивостоке им была защищена кандидатская диссертация «Вооруженный конфликт в странах Индокитая (1945-1975 гг.)», а в дальнейшем опубликован ряд монографий и статей по этой проблеме[69].

В.В. Иванов предпринял попытку комплексного исследования конфликта в Индокитае (1945-1975 гг.). Цель, которую поставил перед собой В.В. Иванов, заключается в том, чтобы рассмотреть основные причины, этапы, характер и последствия вооруженного конфликта в странах Индокитая в период 1945-1975 гг. В.В. Иванов рассматривает в своих многочисленных статьях и книгах различные аспекты конфликта в Индокитае (1946-1975 гг.), в рамки которого он вкладывает колониальную войну Франции в Индокитае (1946-1954 гг.), интервенцию США и их союзников в странах Индокитая (1964-1975 гг.) и непосредственно связанные с этой интервенцией гражданские войны во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже[70]. Подчеркнем, что В.В. Иванов обращает свое внимание и на вспыхнувшее в 1960-е годы в США антивоенное движение, которое он расценивает в качестве политического фактора окончания войны во Вьетнаме[71].

***

В 2000-е годы происходит становление американистики в **Благовещенске**, хотя еще в 1980-е годы выпускник Благовещенского государственного педагогического института им. М.И. Калинина ***Александр Ильич Клинков*** защитил в Москве кандидатскую диссертацию по проблемам, связанным с обсуждением в американском обществе, с участием Конгресса США и американской общественности вопроса о ратификации договора ОСВ-2[72]. Однако внезапный уход из жизни в 1999 г. не позволил А.И. Клинкову продолжить свои научные изыскания.

В настоящее время следует говорить, по крайней мере, о двух группах исследователей-американистов, которые живут и работают в Благовещенске.

Одна группа ученых сосредоточена в Благовещенском государственном педагогическом университете (БГПУ) на кафедрах всеобщей истории (доктор исторических наук, профессор ***Алексей Александрович Киреев***)[73], русского языка и литературы (доктор филологических наук, профессор ***Наталия Владимировна Киреева***)[74] историко-филологического факультета.

Многочисленные аспекты, связанные со взаимодействием внешней политики и общественного мнения в США, в том числе феномен «вьетнамского синдрома», его проявления на уровне массового сознания американцев и попытки преодоления после войны во Вьетнаме (1973-2009 гг.)[75], отражение войны во Вьетнаме (1964-1973 гг.) и ее последствий в американской культуре[76], а также итоги президентства Дж. Буша-младшего (2001-2009 гг.) и Б. Обамы (2009-2017 гг.) в контексте общественного мнения[77], новые общественно-политические движения в США[78] и целый ряд других аспектов[79] находятся в центре внимания научных интересов кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории БГПУ ***Дмитрия Владиславовича Кузнецова***.

В опубликованных монографиях Д.В. Кузнецова рассмотрены вызывающие наибольшую актуальность теоретические проблемы, связанные с процессом взаимовлияния внешней политики и общественного мнения в США[80], состояние американского общественного мнения в отношении использования военной силы в период президентства Уильяма Дж. Клинтона (1993-2001 гг.)[81] и Дж. Буша-младшего (2001-2009 гг.)[82], конфигурация общественного мнения в США и за их пределами по проблеме международного терроризма[83], в отношении Югославского кризиса[84], в отношении проблем Ближнего Востока[85], в отношении проблемы нераспространения ОМУ[86], а также конфигурация общественного мнения в США и за их пределами относительно места, роли и политики Китая в международных отношениях[87].

В 2016 г. из печати вышла монография Д.В. Кузнецова «″Тень″ Вьетнама над Америкой. Американское общественное мнение и использование военной силы США после войны во Вьетнаме (1973-2009 гг.)», в которой на примере конкретных ситуаций, имевших место в течение 1973-2009 гг. и отражающих вовлечённость США в отдельные региональные кризисы, связанные с использованием (применением или угрозой применения) военной силы рассмотрены особенности процесса формирования и функционирования американского общественного мнения в отношении проблемы использования военной силы[88].

В 2000-е годы ***Николай Владимирович Кухаренко***, также являющийся сотрудником БГПУ, провел исследование на диссертационном уровне на тему «Китайские этнорелигиозные сообщества в США»[89]. Проблема была рассмотрена преимущественно в исторической ретроспективе. Опубликовано несколько статей[90].

Еще один сотрудник БГПУ ***Сергей Владимирович Кухаренко*** является автором целого ряда статей, тематика которых связана с развитием США на современном этапе[91].

Свидетельством того, что американистика в Благовещенске, в частности, в Благовещенском государственном педагогическом университете (БГПУ), получила

довольно значительное развитие в качестве научного направления, является то, что в 2010 г. на базе БГПУ был создан Научно-образовательный Центр американистики. Впоследствии он был преобразован в Центр американских исследований БГПУ и в настоящее время входит в структуру Научно-образовательного центра комплексных исследований (НОЦ КИ) БГПУ. Центр создан в целях осуществления научной и образовательной деятельности в области американистики, развития инновационных образовательных технологий, повышения уровня НИР, НИРС, выполняемых на территории Амурской области, интеграции усилий вузовской и академической науки.

С 2010 г. по инициативе Центра американских исследований БГПУ в Благовещенске был проведен целый ряд научных семинаров, в ходе которых обсуждались актуальные проблемы, связанные с изучением США, их политического, экономического, социального и культурного развития, а также внешней политики, в том числе проблема становления в современных международных отношениях «нового мирового порядка».

С 2015 г. под эгидой Центра американских исследований БГПУ осуществляется выпуск ежегодного бюллетеня «Американистика на Дальнем Востоке». В бюллетень включаются научные статьи, посвященные наиболее актуальным проблемам американистики. Авторы – ученые и преподаватели вузов Дальнего Востока, центральной России, а также представители зарубежных научных центров. Бюллетень преследует цель объединить исследователей-американистов из разных регионов для обсуждения наиболее актуальных аспектов истории и культуры США.

Другая группа ученых находится в Амурском государственном педагогическом университете (АмГУ). Так, кандидат исторических наук, доцент ***Наталья Анатольевна Журавель***, исследуя отдельные аспекты, касающиеся развития системы международных отношений во второй половине XX в., а также ее трансформации на современном этапе, особое внимание уделяет роли, которую в этих процессах играет США. Н.А. Журавель активно привлекает к исследованиям в русле американистики молодых ученых – студентов бакалавриата и магистратуры АмГУ. Сотрудник созданного на базе АмГУ Центра геополитических исследований, кандидат исторических наук, доцент ***Олег Анатольевич Тимофеев*** до своего отъезда в Москву рассматривал весьма актуальные аспекты взаимодействия США и Китая на уровне экспертных сообществ. ***Светлана Степановна Косихина***, кандидат исторических наук, доцент, является единственным в Благовещенске исследователем, чья научная деятельность связана с изучением истории Канады. В центре ее научных интересов – так называемый партийный транзит, становление и развитие двухпартийной системы в Канаде.

Евгений Вячеславович Гамерман, кандидат исторических наук, доцент, который ранее работал в АмГУ, в настоящее время – преподаватель Благовещенского финансово-экономического колледжа – филиала Финансового университета при Правительстве РФ, в своих научных исследованиях обращается к проблеме региональной безопасности в Северо-Восточной Азии, рассматривая эту проблему в том числе и в связи с внешнеполитическим курсом США[92].

***

Таким образом, можно сказать, что американистика на Дальнем Востоке хотя и не имеет таких глубоких традиций, как в центральной части России, тем не менее существует в качестве отдельного направления в рамках исследований по всеобщей истории, и есть все основания утверждать, что она в целом успешно развивается. Изучение истории и культуры США в высших учебных заведениях Дальнего Востока, попытки активизации научно-исследовательской работы по проблематике американских исследований, создание центров во Владивостоке, Уссурийске,

Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Благовещенске, которые имеют возможности уже в ближайшем времени стать базой для появления научных школ, реализация научно-исследовательских, образовательных проектов, – все это является важными шагами в становлении и последующем развитии дальневосточной школы российской американистики.

Учитывая возможности Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), а также потенциал его развития в будущем, значительный вклад может внести и этот крупнейший на Дальнем Востоке России центр науки и высшего образования.

ДВФУ обладает, пожалуй, наиболее развитой на всем Дальнем Востоке России инфраструктурой, как правило, не сталкивается с серьезными проблемами в области финансирования, имеет в качестве сотрудников специалистов высокой квалификации практически по всем гуманитарным наукам. Главный вопрос заключается в том, насколько успешно удастся реализовать имеющийся потенциал.

При этом в последние годы в ДВФУ часто приглашаются (в том числе для работы по контракту) крупные отечественные и зарубежные специалисты, которые делятся со студентами, аспирантами и преподавателями своим бесценным опытом.

К примеру, 17 февраля 2016 г. с открытыми лекциями в ДВФУ выступил известный эксперт-американист доктор политических наук, профессор Ф.Г. Войтоловский, ныне – директор Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (РАН). Признанный эксперт в области внешней политики США посетил ДВФУ в рамках вузовской программы «Visiting Professors». Визиты успешных ученых и признанных российских и иностранных экспертов проводятся в рамках Программы развития и Программы повышения конкурентоспособности ДВФУ по Проекту 5-100.

Спустя несколько месяцев, 16-20 мая 2016 г., в Восточном институте – Школе региональных и международных исследований (ВИ-ШРМИ) – с циклом авторских лекций, посвященных внутренней и внешней политике США, выступили ведущие американисты из Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) Ф.Г. Войтоловский, а также старшие научные сотрудники Центра североамериканских исследований П.А. Гудев и В.Ю. Журавлева. 17-19 мая 2016 г. там же серию занятий по теме «Российско-американские отношения в исторической перспективе» провел профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге И.И. Курилла.

Представляется, что подобная практика может придать дополнительный импульс развитию американистики на Дальнем Востоке России, а также будет способствовать росту интереса к американским исследованиям со стороны молодых ученых.

Этому может способствовать и то немаловажное, на наш взгляд обстоятельство, что большинство дальневосточных историков, специализирующихся по всеобщей истории, в качестве специализации избрали период Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки. Причем в рамках этой специализации одним из наиболее развивающихся направлений является именно американистика: в настоящее время сообщество американистов на Дальнем Востоке объединяет несколько десятков докторов и кандидатов наук.

Актуальной остается задача, связанная с воспитанием новых кадров специалистов в области всеобщей истории, в том числе американистики. Этому, в частности, может способствовать наличие в крупнейших научных и образовательных центрах Дальнего Востока России аспирантуры, докторантуры и диссертационных советов, в которых бы проходила защита диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук.

До 2000 г. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН оставался единственным учреждением на всем Дальнем Востоке, которое имело собственный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по четырем специальностям: отечественная история, всеобщая история, археология и этнография.

В 2000 г. начал работу совет по защите кандидатских и докторских диссертаций при Институте истории, философии и теологии ДВГУ (по двум специальностям – отечественная история и всеобщая история).

В 2010-е годы оба указанных диссертационных совета по разным причинам прекратили свою деятельность. В настоящее время Диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и специальности 07.00.03 – Всеобщая история (история средних веков, новая и новейшая история) (исторические науки) (Д 212.056.19), полномочия которого были подтверждены приказом Министерства образования и науки РФ от 05 апреля 2016 г. № 387/нк, действует на базе Дальневосточного федерального университета (ДВФУ)[93].

Между тем для дальневосточников, научная деятельность которых связана с изучением различных аспектов истории и культуры США, важнейшей задачей представляется координация их усилий, причем как на региональном, так и на общенациональном уровнях.

По-прежнему актуальным представляется создание единого Дальневосточного центра американских исследований – центра, который бы выступил в качестве координатора этих действий. Это помогло бы направить усилия американистов, проживающих на Дальнем Востоке на налаживание более тесных связей с коллегами, находящихся в европейской части страны. Таким координационным центром мог бы выступить либо Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – единственное на Дальнем Востоке академическое учреждение гуманитарной направленности, либо один из вузов, расположенных в одном из дальневосточных городов – Владивостоке, Уссурийске, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Благовещенске, где есть американисты. Идеальным же представляется вариант, в соответствии с которым координация осуществлялась бы через Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ). При этом создание единого Дальневосточного центра американских исследований помогло бы в значительной степени преодолеть «оторванность» сообщества дальневосточных американистов от коллег, проживающих в других российских городах, создать условия для восстановления утраченных ранее научных связей и развития сотрудничества с крупнейшими научными центрами в России в области американистики.

Важным, на наш взгляд, представляется также создание Дальневосточной ассоциации американистов, которая (в случае ее появления) станет членом общероссийского форума исследователей в области американистики – Российской ассоциации американистов, решение о создании которого было принято во время проходившего 26-27 ноября 2009 г. в ИВИ РАН координационного совещания российских американистов. Другой вариант связан с возможным созданием Ассоциации американистов Сибири и Дальнего Востока с образованием двух региональных отделений – в Сибири и на Дальнем Востоке.

Что же касается наиболее перспективных, на наш взгляд, направлений исследований в сфере американистики на Дальнем Востоке, то они, учитывая региональную специфику российского Дальнего Востока, заключаются в следующем. Представляется необходимым направить усилия на изучение не только политической,

экономической, социальной и культурной истории США, а также их внешней политики, но и на изучение истории США в ракурсе участия этой страны в процессах, в настоящее время протекающих в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). На современном этапе это преимущественно вопросы региональной и глобальной безопасности, разрешение возникающих спорных проблем, экономическое взаимодействие, иммиграционные процессы, решение социальных проблем. Причем все это возможно при одновременном изучении не только политики США в АТР, но и их взаимоотношений с Россией, КНР, обеими Кореями (КНДР и РК), Японией и другими ключевыми международными акторами Азиатско-Тихоокеанского региона, с учетом протекающих здесь процессов, связанных с региональной интеграцией.

Наконец, не может не обратить на себя и то, весьма важное, на наш взгляд, обстоятельство, что географическая близость Дальнего Востока к американскому континенту создает прекрасные возможности для сотрудничества между научными сообществами российских и американских ученых. Примеров такого сотрудничества предостаточно. Остается только воспользоваться этими возможностями[94], а также постараться максимально реализовать тот научный и творческий потенциал, которым в настоящее время обладают американисты, проживающие на Дальнем Востоке.

---

[1] Дальний Восток России // Вокруг света. Энциклопедия. URL: http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php?title=Дальний_Восток_России.

[2] Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

[3] Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/bul_dr/mun_obr2018.rar.

[4] Лихарев Д.В. Исследования на Дальнем Востоке в конце XX – начале XXI вв. // Россия и АТР. – 2006. – № 2. – С. 6-21.

[5] Лихарев Д.В. Исследования на Дальнем Востоке в конце XX – начале XXI вв. // Россия и АТР. – 2006. – № 2. – С. 6-21.

[6] Ведущие представители: В.В. Согрин (ИВИ РАН), Н.И. Егорова (ИВИ РАН), В.Л. Мальков (ИВИ РАН), Ю.Н. Рогулев (МГУ), Л.В. Байбакова (МГУ), А.С. Маныкин (МГУ), М.О. Трояновская (МГУ), К.В. Миньяр-Белоручев (МГУ), В.И. Журавлева (РГГУ), В.О. Печатнов (МГИМО) и др.

[7] Ведущие представители: В.Н. Плешков (СПбИИРАН), В.В. Носков (СПбИИРАН), С.А. Исаев (СПбИИРАН), Б.А. Ширяев (СПбГУ), А.И. Кубышкин (СПбГУ), В.Н. Конышев (СПбГУ), А.А. Сергунин (СПбГУ), И.А. Цветков (СПбГУ), И.И. Курилла (ЕУ) С.А. Исаев и др.

[8] Ведущие представители: М.И. Рыхтик (Нижегородский государственный университет), О.А. Колобов (Нижегородский государственный университет) и др.

[9] Ведущие представители: Л.Н. Попкова (Самарский государственный университет) и др.

[10] Ведущие представители: С.Ю. Шенин (Саратовский государственный университет) и др.

[11] Ведущие представители: И.И. Курилла (Волгоградский государственный университет) и др.

[12] Ведущие представители: Т.В. Алентьева (Курский государственный университет) и др.

[13] Ведущие представители: В.В. Романов (Тамбовский государственный университет) и др.

[14] Ведущие представители: В.В. Прилуцкий (Брянский государственный университет) и др.

[15] Ведущие представители: И.К. Лапшина (Владимирский государственный университет) и др.

[16] Ведущие представители: О.Ю. Анцыферова (Ивановский государственный университет) и др.

[17] Ведущие представители: В.Т. Юнгблюд (Вятский государственный университет) и др.

[18] Ведущие представители: А.Е. Фельдт (Северный (Арктический) федеральный университет и др.

[19] Ведущие представители: А.В. Золов (Балтийский федеральный университет) и др.

[20] Ведущие представители: В.П. Румянцев (Томский государственный университет) и др.

[21] Подробнее: Американский ежегодник. 2008/2009. Состояние и перспективы изучения истории США в научно-образовательных центрах России. Материалы координационного совещания. Москва, 26-27 ноября 2009 г. / отв. ред. В.В. Согрин. – М.: Наука, 2010.

[22] Руководитель ЦСИ ИВИ РАН: Согрин Владимир Викторович. Ученый секретарь ЦСИ ИВИ РАН: Лаврентьева Татьяна Юрьевна. Сотрудники ЦСИ ИВИ РАН: Исэров Андрей Александрович, Калмыков Николай Петрович, Листиков Сергей Викторович, Петров Александр Юрьевич, Позняков Владимир Владимирович, Сиротинская Мария Моисеевна, Троицкая Лариса Михайловна, Чертина Зоя Сергеевна.

Основные направления научной деятельности ЦСИ ИВИ РАН: исторические тенденции экономического, социального, внутри- и внешнеполитического развития США и их роль во всемирно-историческом процессе; восприятие североамериканской истории в общественном сознании и средствах массовой информации России и российской истории в массовом сознании и средствах массовой информации США; история Русской Америки и российско-американских отношений; изучение ведущих тенденций исторического развития Канады. Подробнее: Центр североамериканских исследований. URL: http://igh.ru/departments/49?locale=ru.

[23] Главной целью Российской ассоциации историков-американистов является координация научных центров России, специализирующихся в изучении истории США. Печатным органом является «Американский ежегодник», издаваемый на базе Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН. Российская ассоциация историков-американистов организует и проводит конференции и круглые столы историков-американистов по актуальным проблемам истории США и российско-американских отношений. Первая конференция «Состояние и перспективы изучения истории США в России» была проведена в ноябре 2009 г. Подробнее: Российская ассоциация историков-американистов // Всемирная история. Единое научно-образовательное пространство. URL: http://worldhist.ru/cooperation/RAOAH/.

[24] Издающийся с 1971 г. «Американский ежегодник» – ведущее российское периодическое издание по истории США и всей Северной Америки. Издается на базе Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, а также является печатным органом Российской ассоциации историков-американистов. В нем ежегодно публикуются научные статьи российских и иностранных ученых, документальные материалы, сведения о научной жизни и библиография: книги и статьи по истории США и Канады, изданные на русском языке. Подробнее: Американский ежегодник. URL: http://www.american-yearbook.igh.ru.

[25] Владимиру Викторовичу Согрину – 70 лет // Новая и новейшая история. – 2015. – № 2. – С. 217-218.

[26] См.: Согрин В.В. Энциклопедия истории США. – М.: Издательство «Весь Мир», 2018.

[27] См.: Согрин В.В. Состояние и перспективы отечественной американистики // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 156-176.

[28] Лихарев Д.В. Исследования на Дальнем Востоке в конце XX – начале XXI вв. // Россия и АТР. – 2006. – № 2. – С. 6-21.

[29] Казачун Г.А. Американистика на Дальнем Востоке России // США: опыт взаимодействия личности, общества, государства. Материалы международной научно-практической конференции.19-20 июня 2006 г. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2006.

[30] Сараджан Г.С. Дальневосточная республика и Вашингтонская конференция: Дисс. …канд. ист. наук. – Л., 1974.

[31] Библиографию научных работ С.Г. Сараджан см.: ДВФУ. Научная библиотека. Архив электронных библиографических указателей. Персональные указатели ученых ДВГУ. Исторические науки. Сараджан Галина Сергеевна. URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/064/Saradzhan.pdf.

[32] Американистика в странах Тихоокеанского бассейна: Материалы международной конференции. 28-30 марта 2002 г. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002.

[33] Библиографию научных работ Г.А. Казачун см.: ДВФУ. Научная библиотека. Архив электронных библиографических указателей. Персональные указатели ученых ДВГУ. Исторические науки. Казачун Галина Александровна. URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/ed3/Kazachun.pdf.

[34] Дальневосточный центр изучения Канады и США: опыт инновационно-проектной деятельности // «Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке» Международная научная конференция, посвященная 90-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008.

[35] Подробнее: США: опыт взаимодействия личности, общества, государства. Материалы международной научно-практической конференции.19-20 июня 2006 г. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2006.

[36] Журбей Е.В. Стратегия национальной безопасности США и ее реализация в Югославии в 90-е гг. XX в.: дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Владивосток, 2002.

[37] Романова Е.А. Информационные кампании в США как механизм мобилизации общественной поддержки политики Дж. Буша и Дж. Буша-младшего в Ираке: дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Владивосток, 2008.

[38] Самойленко П.Ю. Российско-американские отношения и проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков (90-е годы XX – начало XXI века): дисс. ... учен. степ. канд. полит. наук. – Владивосток, 2004.

[39] См., напр., Суховей Д.А. Проблемы использования военной силы: сравнительный анализ теоретических подходов в трудах представителей политико-академического сообщества США: 2001-2010-е гг.: дисс. ... учен. степ. канд. полит. наук. – Саратов, 2015.

[40] См., напр., Проблемы этно-социокультурного взаимодействия народов Азиатско-Тихоокеанского региона. Межрегиональная научно-практическая конференция с международным участием, г. Владивосток, 16 мая 2016 г.: Материалы / Редколлегия: Г.А. Казачун (отв. ред.) и др. – Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2016.

[41] Гарусова Л.В. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: История и современность. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001.

[42] Гарусова Л.Н. Соединенные Штаты Америки в системе региональных отношений Российского Дальнего Востока (90-е гг. XX в.): дисс. …учен. степ. д-ра ист. наук. – Владивосток, 2002.

[43] Гарусова Л.Н. Российско-американские отношения на Дальнем Востоке (конец XVIII – XX вв.). Исторический опыт. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001; Гарусова Л.Н. Российский Дальний Восток и Соединенные Штаты Америки (1991-2000 гг.). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001; Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001; Гарусова Л.Н. Россия и США: Тихоокеанское взаимодействие на рубеже веков (1991-2003 гг.). – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005.

[44] См.: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Персоналии. Гарусова Лариса Николаевна. URL: http://ihaefe.org/about/people/garusova.

[45] Грехова Т.В. США в региональной внешней культурной политике России (1991-2005 гг.): дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Владивосток, 2005.

[46] Ефременко Н.В. Религиозный фактор в эволюции политической системы США (XVII – начало XXI в.): дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Владивосток, 2005.

[47] Пигинешева А.П. Латинос в новейшей политической истории США: дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Хабаровск, 2011.

[48] Жукова И.Н., Лебедько М.Г. Американское «лоскутное одеяло»: справочник по американской культуре). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999.

[49] См.: Бутенина Е.М. Гибридная идентичность как литературная проблема: На материале китайско-американской женской прозы XX века: дисс. …учен. степ. канд филол. наук. – М., 2006. См. также: Бутенина Е.М. Под знаком ветра и воды: проблема гибридной идентичности в китайско-американской литературе. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2007; Бутенина Е.М. Мультикультурный роман США. – М.: ФЛИНТА, 2013; Бутенина Е.М. «Чужое слово проступает...». Рецепция русской классики в прозе США второй половины XX – начала XXI века. – М.: ФЛИНТА, 2018.

[50] Чернавская В.Н. «Восточный фронтир» России XVII – начала XVIII века: Историко-историографические очерки. – Владивосток: Дальнаука, 2003; Чернавская В.Н. Россия на Тихом океане, XVIII – первая половина XIX века: Историко-историографические очерки. – Владивосток: Дальнаука, 2006.

[51] Лихарев Д.В. Исследования на Дальнем Востоке в конце XX – начале XXI вв. // Россия и АТР. – 2006. – № 2. – С. 6-21.

[52] Перечень выпусков информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана» см.: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Издания. У карты Тихого Океана. URL: http://ihaefe.org/publishings/by-the-pacific-ocean-map.

[53] Тихий К.Т. Американцы о внешней политике СССР, 1929-1933 // Внешняя политика США в первой половине XX в. / Под ред. В.К. Фураева. – СПб.: Образование, 1996.

[54] Тихий К.Т. Американцы о стране Советов. 1921-1933. – Владивосток: Дальнаука, 2000. См. также: Тихий К.Т. Пресса США как источник по проблемам внешней политики СССР в 1920 – начале 1930-х гг. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2005; Тихий К.Т. Годы упущенных возможностей: очерки истории советско-американских экономических и культурных связей в 1920-1930-е гг. – Уссурийск: Изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2011.

[55] Великобритания и США в XIX-XX вв.: Политика, дипломатия, историография / под ред. Д.В. Лихарева. – Уссурийск: Изд-во УГПУ, 1997; Лихарев Д.В. Практикум по историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки: Историограия США XX века. – Уссурийск: Изд-во УГПУ, 1996.

[56] Пазенко Е.А. Общественно-политическая мысль на юге США в 30-50-е гг. XIX в.: дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Владивосток, 1999.

[57] Лихарева О.А. Политика США в отношении Китая во время Синьхайской революции 1911-1913 гг.: дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Владивосток, 2000.

[58] Ефременко Н.В. Религиозный фактор в эволюции политической системы США (XVII – начало XXI вв.): дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Уссурийск, 2005.

[59] Симоненко Е.С. Интеграция Канады в систему обороны Британской империи. 1902–1914 гг.: дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Уссурийск, 2008.

[60] Международные отношения в тихоокеанском регионе в XIX-XX вв.: (межвуз. сб. науч. статей) / под ред. М.И. Светачева. – Хабаровск, 1997.
[61] Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). – Новосибирск, 1983.
[62] См.: Галлямова Л.И., Осипов Ю.Н. Михаил Иванович Светачев – ученый, педагог и организатор науки // Россия и АТР. – 2015. – № 4. – С. 273-276.
[63] Юрченко Е.С. Отношение администрации США к небольшевистским правительствам в России в 1917-1920 гг.: дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Хабаровск, 2010.
[64] Юрченко Е.С. В. Вильсон и Белая Россия: Отношение правительства США к проблеме дипломатического признания и поддержки антибольшевистских правительств в России, 1917-1920 гг. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2016.
[65] См.: Тимошенко В.Н. Внешняя политика и безопасность государств Южнотихоокеанского региона в 80-е – 90-е годы XX века: дисс. …учен. степ. д-ра ист. наук. – Хабаровск, 2011. См. также: Тимошенко В.Н. Южно-Тихоокеанский регион на пороге XXI века: проблемы внешней политики и безопасности. – М.; Хабаровск: Дальневосточный гос. гуманитарный ун-т, 2009.
[66] Анисимов А.Л. Дальневосточная политика США в 30-е – 60-е гг. XIX в. (Отношения США с Цинской империей и Японией). – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2002.
[67] Анисимов А.Л. Дальневосточная политика США в 30-60 гг. XIX века: Отношения США с Цинской Империей и Японией: дисс. …учен. степ. д-ра ист. наук. – Волгоград, 2006.
[68] Фролова Е.А. Российско-американские отношения на Дальнем Востоке: дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Хабаровск, 2010.
[69] Иванов В.В. Вооруженный конфликт в странах Индокитая (1945-1975 гг.): дисс Дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – Владивосток, 2002.
[70] См., напр., Иванов В.В. Интервенция США и их союзников в странах Индокитая 1964-1975 гг. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
[71] См., напр., Иванов В.В. Антивоенное движение в Соединённых Штатах Америки как политический фактор окончания интервенции в Индокитае 1964-1975 гг. // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского: Сборник докладов. Вып. 14 / Отв. ред. А.И. Донченко. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. – С. 90-113
[72] Клинков А.И. Политическая борьба в США по вопросу об ограничении стратегических вооружений. 1976-1980: дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – М., 1984.
[73] См.: Киреев А.А. Внешнеполитический курс США в отношении Израиля в годы правления администрации Р. Рейгана: дисс. …учен. степ. канд. ист. наук. – М., 1999; Киреев А.А. Внешнеполитическая стратегия администрации Б. Клинтона на Ближнем Востоке: дисс. …учен. степ. д-ра ист. наук. – М., 2008. См. также: Киреев А.А. Внешнеполитический курс США в отношении Израиля в годы правления администрации Рейгана. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2000; Киреев А.А. Внешнеполитическая стратегия администрации У. Клинтона. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006; Киреев А.А. Политика США на Ближнем Востоке в 1990-е гг. (стратегия администрации Б. Клинтона). – М.: [Б. и.], 2007.
[74] См.: Киреева Н.В. Романы Роберта Стоуна: Особенности поэтики: дисс. …учен. степ. канд. филол. наук. – М., 1999; Киреева Н.В. Трансформация жанровых конвенций автобиографии и детектива в прозе американского постмодернизма: дисс. …учен. степ. д-ра филол. наук. – М., 2011. См. также: Киреева Н.В. Поэтика романов Роберта Стоуна. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002; Киреева Н.В. Жанровый код романа Т. Пинчона «Выкрикивается сорок девятый лот». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005; Киреева Н.В. Между элитарным и массовым: новые стратегии писательского поведения и жанровая поэтика постмодернистской литературы США. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007.
[75] См., напр., Кузнецов Д.В. Американское общественное мнение после событий 11 сентября 2001 г. и политика США на Ближнем и Среднем Востоке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2006. – № 3. – С. 116-131; Кузнецов Д.В. Война в Ираке и общественное мнение США в 2003-2008 гг. // США – Канада: Экономика. Политика. Культура. – 2008. – № 10. – С. 25-42; Кузнецов Д.В. Внешнеполитический курс администрации Б. Обамы в оценках американской общественности // США – Канада: Экономика. Политика. Культура. – 2010. – № 3. – С. 39-57; Кузнецов Д.В. Использование военной силы и общественное мнение США // Новая и новейшая история. – 2010. – № 4. – С. 18-31; Кузнецов Д.В. «Вьетнамский синдром» в общественном мнении США // Общественные науки и современность. – 2012. – № 2. – С. 126-135; Кузнецов Д.В. «Вьетнамский синдром»: сущность и проявления в общественном мнении США // Американский ежегодник. – 2012 / Отв. ред. В.В. Согрин. – М.: Наука, 2012. – С. 44-70; Кузнецов Д.В. Война во Вьетнаме (1964-1975 гг.) и общественное мнение США // Американский ежегодник. – 2014 / отв. ред. В.В. Согрин. – М.: Наука, 2014. – С. 116-139;

Кузнецов Д.В. Невоенные методы преодоления «вьетнамского синдрома в 1973/1974-2015 гг. // Американский ежегодник. – 2015 / отв. ред. В.В. Согрин. – М.: Наука, 2015. – С. 99-126.

[76] См., напр., Кузнецов Д.В. Война во Вьетнаме и ее отражение в американском кинематографе (Начало) // Актуальные проблемы современности. Материалы 6-й международной научно-практической конференции «Альтернативный мир». Вып. 5. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – С. 147-170; Кузнецов Д.В. Война во Вьетнаме и ее отражение в американском кинематографе (Окончание) // Актуальные проблемы современности. Материалы 7-й международной научно-практической конференции «Альтернативный мир». Вып. 6. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. – С. 147-170; Кузнецов Д.В. Война во Вьетнаме и ее отражение в американской литературе // Актуальные проблемы современности. Материалы 8-й международной научно-практической конференции «Альтернативный мир». Вып. 7. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. – С. 41-82; Кузнецов Д.В. Война во Вьетнаме и ее отражение в американской музыке // Актуальные проблемы современности. Материалы 9-й международной научно-практической конференции «Альтернативный мир». Вып. 8. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. – С. 96-122; Кузнецов Д.В. Война во Вьетнаме и ее отражение в американском изобразительном искусстве // Актуальные проблемы современности. Материалы 10-й международной научно-практической конференции «Альтернативный мир». Вып. 9. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. – С. 130-142.

[77] См., напр., Кузнецов Д.В. К итогам президентства Дж. Буша-младшего (2001-2009 гг.): в опросах и оценках общественного мнения // Американский ежегодник. – 2010 / отв. ред. В.В. Согрин. – М.: Наука, 2010. – С. 276-296; Кузнецов Д.В. Президентство Б. Обамы (2009-2017 гг.) в зеркале общественного мнения // Американский ежегодник. – 2017 / отв. ред. В.В. Согрин. – М.: Наука, 2018. – С. 13-34.

[78] См., напр., Кузнецов Д.В. Движение «Чаепития» в США // Актуальные проблемы современности. Материалы 12-й международной научно-практической конференции «Альтернативный мир». Вып. 11. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – С. 87-100; Кузнецов Д.В. Движение «Захвати Уолл-стрит» в США // Актуальные проблемы современности. Материалы 13-й международной научно-практической конференции «Альтернативный мир». Вып. 12. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2018. – С. 108-120.

[79] См., нбапр., Кузнецов Д.В. О взаимоотношениях США и КНР в начальный период президентства Д. Трампа // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 5. – С.32-46.

[80] См.: Кузнецов Д.В. Взаимодействие внешней политики и общественного мнения в США. Некоторые актуальные вопросы. – М.: УРСС, 2010.

[81] См.: Кузнецов Д.В. Американское общественное мнение и использование военной силы. Период президентства Уильяма Дж. Клинтона (1993-2001 гг.). – М.: УРСС, 2011.

[82] См.: Кузнецов Д.В. Американское общественное мнение и использование военной силы. Период президентства Дж. Буша-младшего (2001-2009 гг.). – М.: УРСС, 2011.

[83] См.: Кузнецов Д.В. События 11 сентября 2001 г. и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения. – М.: УРСС, 2009.

[84] См.: Кузнецов Д.В. Югославский кризис: взгляд сквозь призму общественного мнения. – М.: УРСС, 2009.

[85] См.: Кузнецов Д.В. Проблемы Ближнего Востока и общественное мнение: В 2-х частях. Часть I: Арабо-израильский конфликт. Часть II: Иракский кризис. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009.

[86] См.: Кузнецов Д.В. Проблема нераспространения ОМУ и общественное мнение: В 2-х частях. Часть I: Ядерная программа Ирана. Часть II: Ядерная программа Северной Кореи. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009.

[87] См.: Кузнецов Д.В. Китай в зеркале общественного мнения. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.

[88] См.: Кузнецов Д.В. «Тень» Вьетнама над Америкой. Американское общественное мнение и использование военной силы США после войны во Вьетнаме (1973- 2009 гг.). – СПб.: Нестор-История, 2016.

[89] См.: Кухаренко Н.В. Китайские этнорелигиозные сообщества в США: дисс. …учен. степ. канд. филос. наук. – Благовещенск, 2004.

[90] См.: Кухаренко Н.В. Взгляд на США как на этнорелигиозное сообщество // Вестник Амурского государственного университета. – 2000. – № 10. – С. 49; Кухаренко Н.В. О формировании религиозного менталитета китайской диаспоры // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – № 14. – С. 19-20; Кухаренко Н.В. «Фалуньгун» в США // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – № 12. – С. 26-27; Кухаренко Н.В. Восприятие американским обществом китайских иммигрантов и официальная политика властей США в этом вопросе в XIX-XX вв. // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – № 20. – С. 14-19.

[91] См., напр., Кухаренко С.В. Представление американских студентов о роли России, США и Китая в современном мире // АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ежегодный бюллетень. Вып. 1 /

отв. ред. А.А. Киреев. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. – С. 43-49; Кухаренко С.В. Динамика и причины ухудшения российско-американских отношений // АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ежегодный бюллетень. Вып. 2 / отв. ред. А.А. Киреев, Н.В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – С. 43-49.

[92] См., напр., Гамерман Е.В. Роль и влияние США на безопасность в Северо-Восточной Азии: до и после украинского кризиса // АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ежегодный бюллетень. Вып. 1 / отв. ред. А.А. Киреев. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. – С. 10-13; Гамерман Е.В. Китайско-американские отношения в период президентства Дональда Трампа и их влияние на безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе // АМЕРИКАНИСТИКА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ежегодный бюллетень. Вып. 3 / отв. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – С. 27-30.

[93] ДВФУ / Наука и инновации Диссертационные советы Перечень диссертационных советов / Д 212.056.19. URL: https://www.dvfu.ru/science/dissertation-tips/the-list-of-dissertation-councils/d-212-056-19.php.

[94] Даже с учетом того, что с 2014 г. в российско-американских отношениях наблюдается период самого значительного с момента окончания «холодной войны» ухудшения взаимоотношений, что дало основание некоторым специалистам в области международных отношений обозначить этот период в качестве «Холодной войны 2.0».

Косихина Светлана Степановна,
канд. ист. наук, доцент
Кафедра конституционного права,
Амурский государственный университет
г. Благовещенск
kosikhina.sveta@yandex.ru
Кирдан Мария Ивановна,
магистрант
Кафедра религиоведения и истории
Амурский государственный университет
г. Благовещенск
m_sunyaykina@mail.ru

ЗАКОН ХАРТА-СЕЛЛЕРА 1965 Г. КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЛЯ НОВОГО КУРСА В ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ США

Аннотация. *В статье анализируется иммиграционный закон Харта-Селлера 1965 г., радикально изменивший иммиграционную политику США, вскрываются его внутри- и внешнеполитические последствия для США.*

Ключевые слова и фразы: *иммиграционное законодательство, США, дискриминация, законодательство, закон Харта-Селлера.*

Svetlana Kosikhina,
Ph.D. in History, Associate Professor
Department of Constitutional Law
Amur State University
Blagoveshchensk
kosikhina.sveta@yandex.ru
Maria Kirdan,
graduate student
Department of Religious Studies and History
Amur State University
Blagoveshchensk
m_sunyaykina@mail.ru

THE HART-CELLER ACT OF 1965 AS A LEGAL FRAMEWORK FOR A NEW COURSE IN THE IMMIGRATION POLICY OF THE USA

Abstract. *The article analyzes the Hart-Celler Immigration Act of 1965, which radically changed the US immigration policy, reveals its domestic and foreign policy implications for the United States.*

Key words and phases: *immigration law, USA, discrimination, legislation, Hart-Celler Act.*

Традиционно конфликтным вопросом политической жизни США является иммиграционное законодательство. Избранный президентом в 2016 г. Дональд Трамп издал исполнительный приказ, посвященный иммиграционной проблематике и

носящий выраженный дискриминационный характер [11]. Тем самым в иммиграционной политике возродился курс, отказ от которого был детерминирован знаковым законом Харта-Селлера 1965 г. Дискриминационные параметры в иммиграционной политике США не являются принципиально новым элементом. Они имеют глубокие исторические корни.

Начало было положено в 80-х гг. XIX в., когда вопрос о регулировании въезда иностранцев в США из ведения штатов перешел в ведение федерального центра. Фактором, обусловившим этот процесс, стала китайская иммиграция. Именно тогда была сформулирована система аргументов, положенная в основу недопущения в страну определенных категорий населения на основе признаков расы, этнической и конфессиональной принадлежности и/или политической ориентации. Ввиду того, что проблема не утратила политической актуальности, представляется уместным обратиться к ее историческим истокам, проследить процесс ее эволюции и на основании сформированного исторического рисунка проанализировать содержание Закона об иммиграции 1965 г. и его последствия.

Принятый в 1882 г. Закон об исключении китайцев впервые в истории был направлен против конкретной этнической группы. Закон об иммиграции 1924 г., больше известный как Акт Джонсона-Рида, вводил квоты на въезд в Соединенные Штаты по признаку национального происхождения. В 1952 г. президент Г. Трумэн, считавший эту систему «оскорблением патриотизма, способностей и порядочности значительной части американских граждан» [7], поручил Комиссии по иммиграции и натурализации провести всестороннее исследование и подготовить доклад о действующих иммиграционных правилах. Отчет «Кого мы будем приветствовать» послужил основой для будущего Закона Харта-Селлера. А пока, принятый в 1952 г. закон Макаррена-Уолтера, вновь вводил лимит на иммиграцию по географическому принципу. Изменение ситуации произошло в 60-х гг. XX в. под воздействием движения за гражданские права и процесса деколонизации. Влияние вышеуказанных внутренних и внешних факторов обусловило отказ от системы дискриминации в иммиграционной политике, основанной на признаках, связанных с местом рождения и жительства.

Правовой основой для нового иммиграционного курса стал закон об иммиграции Харта-Селлера, открывший новую главу в иммиграционной политике Америки. Хотя с той поры прошло более полувека, тема остается в фокусе исследовательского внимания. Объясняется это тем, что Конгресс, открыв шлюзы для неевропейской и небелой иммиграции со всего мира, привел к одной из серьезнейших проблем США – стремительному росту числа мигрантов, размыванию национальной идентичности, усилению влияния этнических меньшинств на внутри- и внешнеполитический курс страны. Кроме того, Закон Харта-Селлера дал начало явлению, впоследствии названному «утечкой умов». В силу указанного, представляется целесообразным обратить внимание на процесс работы над законопроектом, его содержание и неоднозначные последствия.

Одним из самых откровенных сторонников реформ той эпохи был сенатор от штата Массачусетс Джон Кеннеди. Он не поддерживал неограниченную иммиграцию, считая, что таковая должна быть «ограниченной и выборочной». «Политика должна «отдавать предпочтение иммигранту, потому что он ядерный физик, а не потому, что он англосакс», – утверждал Кеннеди [12]. Тем не менее он выступал за либерализацию иммиграционного законодательства. Подобные политические взгляды не нашли поддержки у значительной части демократов – в них они увидели потенциальную возможность для проникновения в страну диверсантов из СССР. В 1957 г. соавтор закона об иммиграции 1952 г. Фрэнсис Уолтер, будучи председателем комитета по

судебным делам Палаты представителей, написал статью под названием «Война против нашего закона об иммиграции», в которой предупреждал о «…нарастающих с каждым месяцем с усиливающейся интенсивностью нападках на иммиграционную систему Америки со стороны коммунистов, их попутчиков, либералов из Конгресса и представителей так называемых этнических меньшинств» [Цит. по: 9].

Став президентом, Дж. Кеннеди не сумел воплотить свои идеи в жизнь. Распространенным является мнение, что во многом этому содействовала укоренившаяся оппозиция Конгресса, которую возглавлял Ф. Уолтер. Помимо этого, президент был больше озабочен внешней политикой и набиравшим обороты Карибским кризисом.

Между тем в ситуации ширившегося движения за гражданские права общество требовало перемен. Согласно опросам, на 1964 г. всего 33% участников, представлявших репрезентативную выборку, считали жесткие ограничения иммиграции целесообразными [3, с. 47]. Поэтому Л. Джонсон, преемник Дж. Кеннеди, поставил во главу угла программы «Великое общество» реформирование национальной иммиграционной системы. Им была разработана стратегия по реализации плана реформы иммиграционной политики, в основе которой лежало компромиссное утверждение о том, что предлагаемая мера «практически не изменит нынешний разрешенный уровень иммиграции» [Цит. по: 9]. На протяжении 1963 г. демократы Эммануил Селлер, член Палаты представителей от штата Нью-Йорк, и Филипп Харт, сенатор от штата Мичиган, совместно с администрацией Белого дома разрабатывали проект закона «О внесении изменений в закон об иммиграции 1952 г.» [3, с. 47].

Осенью 1965 г. законопроект был представлен в Конгресс на голосование. В Палате представителей «за» проголосовали 320 человек, «против» – 70 [8], в то время как в Сенате 76 выступили «за» при 18 «против» [13]. Интересно, что в Сенате среди демократов 52 проголосовали «за», 14 «против» и 1 воздержался; среди республиканцев – 24, 3 и 1 соответственно [13]. Что касается Палаты представителей, 202 демократа выступили «за», 60 «против» и 12 воздержались; у республиканцев – 118, 10 и 11 соответственно [8]. Таким образом, в общей сложности 74% демократов и 85% республиканцев проголосовали за принятие Закона Харта-Селлера. Большинство голосов «против» было от американского юга.

3 октября 1965 г. у подножия Статуи Свободы президент Л. Джонсон подписал закон об иммиграции и гражданстве, сопроводив процедуру санкционирования следующими словами: «Законопроект, который мы подпишем сегодня, не является революционным. Он не повлияет на жизнь миллионов людей, не изменит структуру нашей повседневной жизни ... Тем не менее это все еще один из самых важных актов этого Конгресса и этой администрации, поскольку он исправляет очень глубокий и болезненный изъян в ткани американского правосудия. Он исправляет жестокую и стойкую ошибку в поведении американской нации» [10]. Тем самым был задан новый вектор в иммиграционной политике США, ознаменовавший радикальный разрыв с иммиграционной политикой прошлого. Попытки поставить заслон «нежелательной» иммиграции были прекращены.

Что же представляет собой нормативно-правовой акт, изменивший этнический портрет США? Он состоит из 24 статей, вносящих поправки в 16 параграфов Закона об иммиграции и гражданстве 1952 г. Так, в статье 1, части «а» и в статье 21, части «е» закреплены принципиальные изменения, коснувшиеся системы квот и преференций: для иммигрантов из стран Восточного полушария лимит составил 170 тыс. в год, по 20 тыс. на каждую страну, из стран Западного полушария – 120 тыс. в год без оговорки точного количества по странам [14]. Статья 3 установила семь категорий лиц,

предпочтительных для въезда и получения визы. К ним были отнесены нижеперечисленные:

- дети граждан США, не состоящие в браке;
- супруги и холостые дети граждан, получивших разрешение на постоянное пребывание в США;
- высококвалифицированные специалисты;
- дети граждан США, состоящие в браке;
- близкие родственники (братья и сестры) граждан США;
- квалифицированные рабочие для отраслей, испытывающих нехватку рабочей силы;
- беженцы [14].

Перечень приведенных категорий «желательных» иммигрантов доказывает, что закон 1965 г., в первую очередь, имел гуманитарную направленность, ориентированную на воссоединение семей, а, во вторую, – на обеспечение рынка труда Соединенных Штатов кадрами и трудовыми ресурсами, готовыми работать на минимально приемлемых условиях.

Либерализация иммиграционной политики и упрощение процедуры въезда спровоцировали резкий рост числа этнических китайцев [1, с. 51]. Тому подтверждением служит история семьи китайских врачей Шуи Мак Ка и ее мужа Сунь Фук Ка, друг за другом приехавших в Нью-Йорк в поисках лучшей жизни. Хорошо образованные, но не говорящие на английском языке иммигранты из Поднебесной не смогли обеспечить себе достойную занятость и вынуждены были работать и в ночных ресторанах Бруклина, и в магазине одежды чайнатауна [15, p. 336.]. Подобная ситуация стала типологической. И это – один из незапланированных результатов принятия Закона Харта-Селлера.

Хлынувший поток представителей разных наций и профессий, отправившихся в Штаты за осуществлением своей американской мечты, привел еще к одному результату, а именно повлиял на численность населения США и трансформацию их демографического профиля [6]. Сравнивая количественные показатели данных Бюро переписи населения рассматриваемого периода – 1960-1970 гг., обращаем внимание на тот факт, что прирост составил почти 24 млн. человек: 179 323 175 человек в 1960 г. [4] и 203 2011 926 человек в 1970 г. [5]. Безусловно, что столь стремительный рост населения имел следствием угрожающе растущие бюджетные расходы на социальное обеспечение.

Одновременно с этим нельзя не учесть феномен «утечки умов» [2, с. 109]. Создав привлекательные условия для квалифицированного приезжего персонала, США на много лет вперед обеспечили себя мощной трудовой силой, которая оказывает ощутимое влияние на экономику, социальную среду и культуру [2, с. 112].

Вышесказанное дает возможность сделать следующие выводы. Закон об иммиграции и гражданстве 1965 г. (закон Харта-Селлера) радикально изменил иммиграционную политику Соединенных Штатов. Основанная раньше на географических квотах, она стала ориентироваться на категории лиц с преференциями, в число которых вошли непосредственные родственники, состоящие в семейных отношениях с гражданами Соединенных Штатов, беженцы, а также люди, владеющими специальными навыками, которые могут быть полезными для Америки, – все они имели определенные максимальные значения, которые повышались и понижались в зависимости от преобладающего давления со стороны населения внутри страны и за ее пределами, а также под влиянием политических факторов в Вашингтоне.

Сегодня нет единого мнения по вопросу помогло ли государству принятие Закона 1965 г. или нанесло урон, разрушив его культурную однородность. Журналист Теодор Уайт опроверг утверждения президента Л. Джонсона о том, что это «не революционный законопроект», заявив, что законопроект был «революционным и, вероятно, самым бездумным из многих законопроектов Великого общества» [Цит. по: 9]. И все же, своим имиджем «процветающей страны» США во многом обязаны именно иммигрантам, которые сделали страну «моложе» и обогатили ее разнообразными талантами, сформировав «бэкграунд» для дальнейшего процветания и экономического роста.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Анохина Е.С. Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция // Вестник ТГУ. – Томск, 2012. – № 355. – С. 51-54.
2. Феоктистов Д.А. «Утечка мозгов» как специфика креативной экономики в системе мирохозяйственных связей // Проблемы экономики и менеджмента. – 2014. – № 4. – С. 108-117.
3. Филиппенко А.А. Проблемы иммиграционной политики США в период 1990-2015 гг.: дисс. … канд. исторических наук: 07.00.03 / А. А. Филиппенко; МГИМО. – Москва, 2015. – 173 с.
4. 1960 Census of population and housing [Электронный ресурс]. – URL: https://www2.census.gov/prod2/decennial/documents/1960/proceduralHistory/30335571_TOC.pdf. 1970 Census of population and housing [Электронный ресурс]. – URL: //https://www2.census.gov/prod2/decennial/documents/1970/proceduralHistory/03033103_TOC.pdf.
5. Chishti M., Hipsman F., Ball I. Fifty Years On, the 1965 Immigration and Nationality Act Continues to Reshape the United States [Электронный ресурс]. – URL: https://www.migrationpolicy.org/article/fifty-years-1965-immigration-and-nationality-act-continues-reshape-united-states.
6. Harry S. Truman. Veto of Bill To Revise the Laws Relating to Immigration, Naturalization, and Nationality veto statement, June 25, 1952 [Электронный ресурс]. – URL: https://trumanlibrary.org/publicpapers/index.php?pid=2389.
7. House Vote №177 in 1965 (89th Congress) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.govtrack.us/congress/votes/89-1965/h177.
8. Kammer J. The Hart-Celler Immigration Act of 1965. Political figures and historic circumstances produced dramatic, unintended consequences [Электронный ресурс]. – URL: https://cis.org/Report/HartCeller-Immigration-Act-1965.
9. President Lyndon B. Johnson’s Remarks at the Signing of the Immigration Bill, Liberty Island, New York, October 3, 1965 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lbjlibrary.net/collections/selected-speeches/1965/10-03-1965.html.
10. Protecting the Nation From Foreign Terrorist Entry Into the United States. Executive Order 13769 of January 27, 2017 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/FR-2017-02-01/pdf/2017-02281.pdf.
11. Senator John F. Kennedy’s speech given at the American Jewish Congress National Congress Week held in New York 17 November 1957 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.jfklibrary.org/Asset-Viewer/Archives/JFKSEN-0898-031.aspx.
12. Senate Vote #232 in 1965 (89th Congress) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.govtrack.us/congress/votes/89-1965/s232.

13. The Immigration and Nationality Act of 1965 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-79/pdf/STATUTE-79-Pg911.pdf.
14. Yung, J. Chinese American voices : from the gold rush to the present [Электронный ресурс] / J. Yung, Gordon H. Chang, H. Mark Lai. – London : University of California Press, 2006. – 485 p. – URL: http://rapidshare.com/#!download|104l32|44913209|0520243099.rar|2694.

Осипов Николай Иванович,
канд. ист. наук, доцент
Кафедра гуманитарных и юридических дисциплин
Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет
г. Уральск, Казахстан
ossian-60@mail.ru

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПОРОДИВШАЯ РЕВОЛЮЦИЮ (ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОПРАВКИ УИЛМОТА)

Аннотация. *В статье рассматривается один наиболее драматичных эпизодов в политической истории США, связанный с внесением конгрессменом Д. Уилмотом в 1846 году в Палате представителей конгресса США резолюции, предлагавшей запрет территориального распространения рабства на новые территории. С этого момента вопрос о территориальном распространении рабства стал ключевой проблемой политического развития США вплоть до начала в 1861 году гражданской войны. Изучение причин и последствий выдвижения этой законодательной инициативы, которая привела к такому трагическому результату, является целью написания данной статьи. Понимание этих причин и разъяснение политического значения предложения о принятии федеральным государством решения о законодательном запрете территориального распространения рабовладения позволит глубже изучить различные аспекты проблемы предпосылок и причин гражданской войны. Обострение секциональных противоречий, вызванное выдвижением и популяризацией этой законодательной инициативы, обнаружило невозможность достижения согласия и взаимопонимания между американцами по отношению к рабству.*

Ключевые слова и фразы: *территориальное распространение рабства, вопрос о рабстве экспансионизм, секционализм, секциональные противоречия, антирабовладельческая коалиция, принцип «свободная почва».*

Nickolay Osipov,
Cand.Sc. in History, Associate Professor
Department of humanitarian and juridical sciences
West Kazakhstan innovative technological university
Uralsk, Kazakhstan
ossian-60@mail.ru

THE RESOLUTION THAT ENGENDERED THE REVOLUTION (POLITICAL SIGNIFICANCE OF WILMOT'S PROVISO)

Abstract. *The article touches upon one of the most dramatic events in the USA political history associated with D.Wilmot's introduction of the Wilmot Proviso in the United States House of Representatives in 1846. Wilmot Proviso proposed to prohibit the expansion of slavery in new territories. Thereafter slavery extension issue became the key problem of USA political development up until the start of the Civil War in 1861. The purpose of the article is to study the root causes and consequences of the introduction of this bill, which led to the tragedy. Understanding of these causes and explanation of the political significance of the proposal made to Federal State to accept the bill on the prohibition of slavery expansion will allow in depth study of various aspects of pre-conditions and causes of the Civil War.Intensification of sectional political disputes resulted from the introduction and*

popularization of this bill revealed that Americans could not reach the consensus and find common ground on slavery.

Key words and phases: *territorial extension of slavery, expansionism, sectionalism, sectional conflicts ,slavery question, antislavery coalition, "free soil" principle.*

8 августа 1846 года конгрессмен-демократ в Палате представителей от штата Пенсильвания Дэвид Уилмот вынес на голосование резолюцию, предлагавшую поправку к биллю о выделении федеральному правительству финансовых средств для проведения мирных переговоров с Мексикой. Эти деньги должны были быть использованы для выплаты финансовой компенсации мексиканской стороне за уступку ею по предполагаемому мирному договору некоторых своих территорий. Поправка предусматривала запрет распространения рабства на будущих новых территориях.

Летом 1854 года образовалась новая общенациональная партия республиканцев, требовавшая всякого дальнейшего территориального распространения рабства. 20 декабря 1860 года легислатура штата Южная Каролина приняла резолюцию о сецессии. Законодатели обосновывали своё решение выйти из состава Союза победой на президентских выборах кандидата республиканской партии, предвыборная платформа которой одобряла запрет всякого дальнейшего территориального распространения рабства. 2 марта 1861 года по настоятельному требованию избранного президента А. Линкольна все сенаторы-республиканцы проголосовали против мирного компромиссного плана сенатора-юниониста от штата Кентукки Дж. Криттендена, допускавшего территориальное распространение рабства. Сецессия южных штатов продолжилась, а 12 апреля 1861 года началась гражданская война между Севером и Югом.

Законодательная инициатива, предложенная в начале августа 1846 года совершенно безвестным до этого политиком, вывела страну на дорогу, которая привела её к распаду и кровавой долгой междоусобной войне. С этого момента многие и многие граждане, политики, законодатели, общественные деятели штатов нерабовладельческого Севера стали постоянно предлагать, требовать запретить дальнейшее территориальное распространение рабства решением федерального государства. В штатах рабовладельческого Юга многие и многие граждане, политики, законодатели, общественные деятели осуждали, требовали отказаться от принятия решения федерального государства о запрете распространения рабства на новые территории.

Северяне все эти годы были настойчивы в стремлении не допустить всякого дальнейшего территориального распространения рабства за пределами уже существующих рабовладельческих штатов. Столкнувшись с упорством южан в противодействии всем попыткам ограничить и запретить рабство на новых территориях, они вступили в идейно-политическое противостояние с ними, что привело к секциональному размежеванию в общенациональных партиях, последующему их расколу, предопределившему распад федерального союзного государства.

Понимание причин такой решительной настойчивости северян и ожесточённого упорства южан в решении вопроса о территориальном распространении рабовладения позволяет обоснованно объяснить неизбежность секционального раскола американского общества и государства в 50-е годы XIX века. Определившееся в середине 40-х годов XIX века противоположное и непримиримое отношение большинства северян и южан к перспективам сохранения и территориального расширения рабства означало утверждение в массовом сознании американцев глубоко

различных идейных убеждений и ценностных установок в восприятии рабства как института американского общества.

На Севере к середине 40-х годов XIX века возобладала убежденность в том, что рабовладельческое общество не должно больше распространяться. Утверждение таких взглядов происходило во многом благодаря пропагандистским усилиям аболиционистов [1].

Аболиционисты были одним из многочисленных реформистских движений, активно действовавших в 30-40-е годы на Севере. Все религиозные и реформаторские движения в северных штатах носили антирабовладельческий характер, а в 1830-1831 годах возникло реформаторское движение, которое поставило себе целью отмену (abolition) рабства во всех штатах. Аболиционисты поставили себе целью изменения сознания и морального облика всей нации, чтобы добиться отмены рабства, как аморального, греховного института [2].

В наибольшей степени были восприняты массовым сознанием граждан северных штатов две основные антирабовладельческие идеи: об отсутствии у федерального правительства, граждан северных штатов каких-либо обязательств в отношении сохранения и распространения рабства и о недопустимости по правовым, моральным соображениям распространения рабства на территории, где оно не существовало или было запрещено. По мнению американских историков Уильяма Висека, Чеплайна У. Моррисона, Эрика Фонера и Мейджора Уилсона, эти идеи в максимальной степени соответствовали взглядам, умонастроениям и убеждениям огромного большинства северян, которые желали избавиться от всякой необходимости иметь дело с неграми и рабством [3].

Северяне были уверены, что рабство – это чисто южный, локальный, секциональный институт, а проблема рабства – забота самих южан. Они в одинаковой степени не желали, чтобы южане-экстремисты или аболиционисты навязывали бы им вопрос о рабстве. Для многих северян несовместимость рабства с демократическими принципами, с республиканским строем была самоочевидной истиной, и любое содействие федерального государства сохранению и распространению рабства было равнозначно, по их мнению, злоупотреблению властью в пользу антидемократического, олигархического института южных штатов [4].

К середине 40-х годов XIX века на Юге сложилось общество, социальная структура, политика и идеология которого вывели его на самостоятельный путь общественного развития, пошедшего в разрез с социальной эволюцией большинства нации. Для южан рабство было не просто формой организации труда, а чем-то более важным в социально-культурном и социально-психологическом, идейно-политическом смысле. Это был способ разрешения расовых противоречий, культурная ценность, гарантия социальной стабильности, социальной мобильности, прав и свобод для белых граждан, зримый, желаемый символ фундаментальных ценностей общества белой расы: независимости, честности, достоинства и равенства [5].

Южане, как и северяне, переосмысливали территориальную экспансию в начале 40-х годов с точки зрения своих секциональных предпочтений. На Юге сама идея запрета рабства или работорговли решением федерального конгресса стала в конце 30-х годов XIX века считаться попранием прав и свобод южан федеральным государством, власть в котором узурпировали северяне [6].

Для Юга экспансия была не только экономической категорией, а по существу единственным средством разрешения внутренних социальных проблем и политических противоречий. Территориальная экспансия, прежде всего, должна была содействовать урегулированию противоречий между белыми южанами, резко разделенными на плантаторскую олигархию и огромное большинство социальных, экономически и

политически подчиняемых мелких фермеров и мелких рабовладельцев. Выдвижение и принятие одной из палат конгресса поправки Уилмота представлялось южанам, по мнению историка Уильяма Купера, свидетельством того, что Юг оказался в зависимости от Севера и не может больше определять свою собственную судьбу [7].

Южане осознавали реальную возможность определения судьбы института рабства на территориях изменениями в общественном сознании на Севере. Сама по себе такая зависимость представлялась южанам губительной для южного общества. Южные политики видели в экспансии средство для укрепления политической власти в федеральном государстве, необходимой для защиты жизненных интересов южан и обеспечения свободы и справедливости для Юга [8].

Само по себе выдвижение антирабовладельческих инициатив и предложений, внесение их на обсуждение и голосование в законодательные собрания (легислатуры) штатов и конгресс США не являлись к этому времени, чем новым, необычным или недопустимым. Ещё в 1787 году конфедеративный конгресс принял Северо-Западный ордонанс, содержавший запрет на распространение рабства. Легислатурами северных и даже некоторых южных выдвигались и предлагались различные антирабовладельческие меры. Рабство таким же способом было запрещено в 7 из первоначальных 13 штатов, в новых северо-западных штатах.

В 1819-1820 годах в конгрессе США между конгрессменами южных и северных штатов разгорелась ожесточённая дискуссия по поводу внесённых предложений о запрете рабства на новых заселяемых территориях, закончившаяся принятием Миссурийского компромисса, который предполагал запрет рабства на всех территориях к северу от географической широтной линии $33^{0}30'$. В 20-30-е и начале 40-х годов аболиционисты и их единомышленники подавали многочисленные петиции, неоднократно вносили неоднократные предложения о запрете рабства на федеральных территориях.

Но в середине 40-х годов XIX века сложилось новое положение дел и соотношение сил в социально-экономическом и политическом развитии США, которое привело к резкому обострению секциональных противоречий между Севером и Югом. Бурное строительство в 20-40-х годах каналов, шоссейных и железных дорог в штатах Северной Атлантики и «озерного» Запада способствовало переориентации экономических связей Северо-западных штатов с южного направления на восточное. В 40-х годах с подъемом железнодорожного строительства этот процесс в еще большей мере усилился. Северные штаты экономически все больше обособлялись от южных. При этом южные штаты из-за развития монокультурного хозяйства попадали во все возраставшую зависимость от поставок продовольствия, промышленных товаров, транспортных, торговых и финансовых услуг северных штатов.

Юг превращался в экономическую колонию северных штатов. В северных штатах к 1850 году производилось 85% продовольствия и 83% промышленной продукции. Торговый оборот в северных штатах составлял более 80% всего товарооборота в стране. На Севере находилось 76% всех железных дорог и 70% каналов (по протяженности) [9]. Осознание южанами своего подчиненного положения делало их особо чувствительными к любым проявлениям своего отставания и обнаружившейся экономической и политической зависимости от северян.

Образование новых рабовладельческих территорий и штатов стало единственной возможностью для южан компенсировать свое отставание и противодействовать усилению политического и экономического влияния Севера. Секциональное обособление в 20-е – начале 40-х годов двух колонизационных потоков освоения новых западных земель при явном преобладании свободного фермерского северного над плантаторско-рабовладельческим южным, выход этих потоков в Техасе и Орегоне за

границы США неизбежно приводили к территориальному соперничеству Севера и Юга.

Определившаяся в 1844-1845 годах огромная популярность экспансионистских настроений и установившиеся по итогам президентских выборов 1844 года доминирование проэкспансионистски ориентированных политических сил приводили к сосредоточенности общественного внимания на проблеме скорейшего осуществления планов территориальной экспансии. Развернувшаяся общенациональная дискуссия по вопросу территориальной экспансии интенсифицировала развитие двух тенденций в общественном сознании страны: националистической и секционалистко-апологетической. Переплетение этих тенденций в процессе повседневной агитации порождало причудливую смесь патриотизма, мессианства, расизма, ксенофобии, местного патриотизма. Создавалась идеологическая среда, благоприятствовавшая обострению секционального конфликта Юга и Севера из-за распространения рабства на новые территории.

Подъем экспансионизма в середине 40-х годов XIX века был проявлением объективно сложившегося преобладания экстенсивной тенденции в социально-экономическом развитии США. В то же время экспансионизм стал политическим ответом на обострение противоречий в американском обществе, возникших в 20-40-е годы в результате преимущественного развития экономики и социальных отношений «вширь», на новые территории.

Возможность распространения рабства на большую часть новых земель на Юго-западе, как это уже произошло в 10-30-х годах в Арканзасе, Луизиане, Миссисипи, Миссури и Техасе при определившемся к началу 40-х годов XIX века при численном возобладании переселенцев из северных штатов, могла быть расценена общественным мнением на Севере прежде всего как сознательное устремлением южан навязать рабство населению территорий, обязать федеральное государство содействовать его распространению, превратить рабовладение в национальный институт, сделать северян ответственными за распространение рабства на новые территории, на которых оно было уже запрещено. Подобная оценка территориальной экспансии рабства во многом результат многолетних пропагандистских усилий противников рабства [10].

Инициаторами антирабовладельческой деятельности в легислатурах штатов и в федеральном конгрессе стали политические аболиционисты и антирабовладельчески настроенные политики в вигской и демократической партиях. Особенно благоприятная обстановка для их деятельности сложилась в 1844-1845 годах, когда разгорелась политическая борьба по вопросу аннексии Техаса. Межпартийная борьба по этому вопросу позволила антирабовладельческим группировкам вигов использовать в своих речах в конгрессе и на предвыборных митингах антирабовладельческие аргументы против аннексии, пытаясь привлечь на свою сторону умеренных противников экспансионизма вообще и рабовладельческого – в особенности.

В демократической партии борьба по вопросу об аннексии Техаса вызвала раскол в партийном руководстве и привела к образованию в штатах Вермонт, Иллинойс, Коннектикут, Мэн, Нью-Гэмпшир, Нью-Йорк, Огайо групп антирабовладельческой ориентации. Мартин Ван Бюрен, Джон М. Найлс, Силас Райт, Джон Файерфилд и некоторые другие лидеры северных демократов выступили против немедленной аннексии Техаса [11]. Этот отказ привел к их поражению во внутрипартийной борьбе и образованию в руководстве партии блока проэкспансионистских групп, захвативших доминирующие позиции в партии.

В 1844-1845 годах экспансионизм стал главной чертой политической жизни страны. Аннексия Техаса привела к «национализации» проблемы рабства, то есть выявила необходимость незамедлительного определения отношения федерального

правительства к вопросу о судьбе рабства на территориях. В этих условиях становилось очевидным, что дальнейшее территориальное распространение рабства неминуемо приведет к объединению всех антирабовладельческих группировок в обеих партиях с умеренным большинством северных политиков, встревоженных все возрастающими масштабами и темпами рабовладельческой экспансии. В конгрессе США такое объединение могло образоваться сразу же, как только конгрессу необходимо было бы принять законодательные меры для определения первых же итогов территориальной экспансии.

Развернувшаяся в 1844-1846 годах политическая борьба в конгрессе по вопросам территориальной экспансии завершилась принятием 8 августа 1846 года Палатой представителей проэкспансионистской меры, соединенной с запретом на всякое дальнейшее распространение рабства – поправки Д. Уилмота. Выдвижение Уилмотом своей поправки 8 августа 1846 года носило характер наступательной антирабовладельческой законодательной меры. Оно свидетельствовало о том, что экспансионистский блок демократов в конгрессе оказался под угрозой развала. 68% северных конгрессменов объединились вокруг антирабовладельческой меры [11].

Такое голосование северных конгрессменов оказалось возможным, прежде всего, благодаря совместным усилиям антирабовладельческих элементов в обеих партиях. Они, руководствуясь во многом несхожими, а то и противоположными мотивами и побуждениями, сошлись на признании недопустимости дальнейшего территориального распространения рабства. Условие Уилмота явилось законодательной мерой, воплотившей решимость северных конгрессменов воспрепятствовать этому.

Подобная несвойственная северным демократам решимость стала политическим ответом на проюжный крен в экспансионистской внешней политики президента Дж. Н. Полка. Полк вопреки требованиям конгрессменов-демократов северо-западных штатов согласился на компромисс с Великобританией по вопросу о разделе Орегона. Одновременно президент южанин решительно пошёл на обострение противоречий с Мексикой и довёл дело до объявления войны с Мексикой из-за территориальных претензий Техаса, аннексированного по его же инициативе совместной резолюцией конгресса [12].

Виги были не согласны с вовлечением страны в войну, не удовлетворяло их объяснение президентом причин и целей войны. Поэтому основными пунктами вигской критики действий президента стало выяснение истинных причин начала и действительной цели ведения войны. Северные виги не преминули воспользоваться этим и обвинили Полка в том, что он развязал войну, чтобы распространить рабство на новые территории [13].

Начало войны с Мексикой предопределило юго-западную направленность внешнеполитической экспансии. Поэтому большинство южных демократов и даже определенная часть южных вигов готовы были поддержать экспансионистский курс администрации Полка, надеясь на образование новых рабовладельческих территорий и штатов. Для северных вигов, составляющих более 70% вигской делегации в конгрессе, представлялось вполне допустимым использовать вопрос о распространении рабства для секционального раскола демократов.

Под давлением все возраставшей антирабовладельческой критики войны с Мексикой северные демократы стали осознавать необходимость отказаться от своей приверженности Миссурийскому компромиссу, который был с самого начала создания демократической партии неизменным идейным ориентиром при решении вопроса о рабстве на территориях [14]. Теперь у северных демократов формировалась иная позиция по отношению к этому незыблемому постулату. Отчетливо эта позиция была заявлена голосованием 6 августа 1846 года по поправке демократа Дж. Томпсона

(Пенсильвания), запрещавшей рабство в Орегоне без ссылки на Миссурийский компромисс, которая прошла 108 «за» и 43 «против» [15]. 55 северных демократов голосовали “за” в полном составе, делегации Индианы, Нью-Йорка, Огайо, Пенсильвании подавляющим большинством.

Антирабовладельческая позиция, хотя бы и в такой отвлеченной декларативной форме, завоевала среди демократов все более влияние. Несомненно, что это вызывалось опасениями демократов о том, кому достанутся плоды территориальной экспансии на юго-западе. В то же время северо-западное направление перестало быть объектом экспансионистских усилий администрации Полка. Война с Мексикой в мае-августе развивалась успешно, и демократы предупреждали еще раз, что они не допустят дальнейших территориальных приобретений в пользу рабовладельческого Юга.

Еще 30 июня 1846 года Дж. Бьюканен предупреждал Полка, что присоединение еще большего количества территории по договору с Мексикой, вызовет недовольство Севера и непонимание мирового общественного мнения, особенно если эти территории станут рабовладельческими. Доверие северных демократов к президенту было подорвано его политикой в отношении Орегона и невыполнением обещаний, касающихся отказа от территориальных приобретений в ходе войны с Мексикой [16]. Неопределенность позиции президента в вопросе о размерах территориальных претензий к Мексике не могла не вызвать у северных конгрессменов подозрений, что президент действует исходя только из интересов южных штатов.

Дэвид Уилмот стал выразителем этих подозрений. Хотя он ранее поддерживал все меры, предложенные администрацией Полка, был сторонником экспансии, одобрял военные мероприятия администрации. Но, будучи политиком, входившим в антирабовладельческую группу в пенсильванской организации демократов, он считал необходимым, чтобы демократическая партия высказалась бы за запрет рабства на новых территориях. Он утверждал, что рабство – это великое политическое и социальное зло, наиболее трудная и опасная проблема, угроза правам и свободам свободного белого труженика [17].

Политическая позиция Уилмота, занятая им 8 августа 1846 года, не имела никаких побочных или дополнительных стимулов, кроме одного – нежелания способствовать распространению рабовладения. У него не было даже намека на конфронтацию с администрацией ни по одному из вопросов. Его предложение 8 августа было лишь способом прояснить позицию партии в отношении к войне и территориальным приобретениям. И когда 30 декабря 1846 года Полк в беседе с Уилмотом просил его не выдвигать своего условия, то Уилмот обещал это сделать, но добавил, что если кто-то из демократов его выдвинет, то он будет голосовать «за» [18].

В своей книге «Дэвид Уилмот – фрисойлер. Биография великого защитника условия Уилмота» Ч.В. Гоинг доказывает, что у Уилмота уже задолго до его избрания в палату представителей были антирабовладельческие взгляды в отношении распространения рабства на новые территории. Убедившись в несправедливости экспансионистской политики Полка по отношению к интересам северных демократов, он пришел к выводу о необходимости прекращения всякого дальнейшего территориального распространения рабства [19]. Д. Уилмот заявил о своем долге сопротивляться всеми силами распространению рабства на свободные земли [20].

В статье 1969 года Э. Фонер объясняет инициативу Уилмота тем, что она должна была стать средством восстановления равновесия в партии и способом изъятия из политической борьбы вопрос о рабстве, таким образом, чтобы демократическая партия могла бы по-прежнему играть роль умиротворителя секционного антагонизма [21]. По сути, Фонер подчеркивает политиканский характер поддержки демократами условия

Уилмота, определяя это как маневр одной из группировок во внутри- и межпартийной борьбе.

Поправка Уилмота в первоначальном виде – это мера парламентская, призванная ответить на критику вигов и сомнения северных демократов по поводу истинных целей войны. Она, как верно замечает Д.Ф. Ференбакер, не была «пожарным колоколом в ночи» в отличие от Миссурийского кризиса, ей предшествовала декада лет секционных споров в конгрессе, хотя и не радикальные антирабовладельческие силы были ответственны за ее появление [22]. Условие Уилмота не было просто манёвром изощренных политиков, а явилось неизбежным следствием определившейся к этому времени идейной и политической оппозиционности северных политиков всякому дальнейшему распространению рабства, всякой ответственности федерального государства за продление существования, а уж тем более – за прогресс рабовладения на Юге.

Уилмот был экспансионистом, воодушевлённым идеей «Предопределения судьбы», но разделял общее мнение большинства северян, что среди республиканских добродетелей, предназначенных для распространения на территории континента, не должно быть рабства [23]. Очень плодотворным является положение Э. Фонера, что эта оппозиция была реакцией на навязывание южанам рабства как национальной проблемы [24].

Происхождение условия Уилмота – это следствие глубоких процессов социально-экономического и политического развития страны в первой половине XIX века. Это особо выделяют Гоинг, Поттер, Ференбакер, Фогел [25]. Фонер выдвигает положение о том, что рождение массовых партий способствовало агитации секциональных идеологов, а дебаты по вопросу расширения рабства привели к появлению секционально ориентированных политиков, которые свое будущее связали с проблемой рабства. Происходило распространение антирабовладельческих идей, из которых исчезали непопулярные, разобщающие противников рабства положения. Оппозиция рабству сосредотачивалась на наиболее доступных, объединяющих идеях-символах: нераспространение рабства, оппозиция господству рабовладельцев и единство Союза [26].

В ходе идейной полемики в конгрессе и партийно-политической борьбы декабря – марта 1846-1847 годов законодательная инициатива Уилмота, которая неоднократно выдвигалась другими конгрессменами и политиками трансформировалась в объединяющую идею для всех противников распространения рабства. Она объединила межпартийную антирабовладельческую коалицию конгрессменов, которая в 1847-1850 годах срывала все попытки достижения прорабовладельческого проюжного компромисса по территориальной проблеме. В 1848-1850 годах этот принцип стал программным положением для первой в американской истории массовой антирабовладельческой политической партии.

Эту идею Уилмот определил как принцип «фри сойл» (free soil) – свободная земля (почва). Он решительно отрицал представление о его поправке как покушении на права южан, подчеркивая, что поправка не предполагала отмену рабства там, где оно уже существовало. «Единственной целью и намерением ее предложения, – утверждал он, – является защита “свободной земли” (фри сойл) от незаконных и насильственных поползновений рабства. Узаконит ли правительство этой республики существование рабства, продлив линию Миссурийского компромисса на свободные территории? Отменит ли оно своей властью уже существующий закон свободы, легализовав взамен его рабство?» [27]. Уилмот полагал, что рабство в самом себе несет семена собственной гибели, и если оно останется в прежних пределах, то дни рабства будут сочтены, так

как истощатся земли, занятые под плантационными культурами, рабы станут бесполезными, а рабский труд невыгодным.

Принцип «фри сойл» для южан означал, что именем прогресса и нации давалась идеологическая санкция на преимущественное развитие северных штатов, и оправдывалось подчиненное положение южных. Юг оставался наедине с проблемой изживания рабства и урегулирования расовых отношений. Социальная дискриминация Юга прямо вытекала из реализации принципа «свободная земля». Югу предлагалось отказаться от распространения рабства и позволить ему тихо умирать. В действительности условием Уилмота ставилась не проблема территориального ограничения рабства, а его вымирания [28].

Теперь рабовладельческий Юг отсекался от остальной нации и противопоставлялся обществу в северных штатах как отсталая деградирующая антидемократическая общественная система. Антагонизм рабства и свободы выносился вовне. Южанам предлагалось подчиниться и встать на путь реформирования своей общественной системы, подчиняясь более передовой общественной системе Севера.

Но более важное, по нашему мнению, заключалось не в огромной силе негативного воздействия на южан такого восприятия ими принципа «свободная земля», а в сознании необычайной эффективности и мобилизующей силы воздействия на общественное сознание в северных штатах. С необычайной быстротой принцип «свободная земля» стал на Севере популярнейшей политической идеей. Достаточно привести такие данные: с 28 января по 1 марта 1847 года легислатуры восьми северных штатов (Вермонта, Массачусетса, Мичигана, Нью-Джерси, Нью-Йорка, Нью-Гэмпшира, Пенсильвании, Огайо) подавляющим большинством представителей от обеих партий приняли резолюции, направленные против распространения рабства и инструктирующие своих конгрессменов предпринять для этого надлежащие усилия [29]. Можно заключить, что легислатуры от имени более ¾ населения северных штатов заявили об одобрении принципа «свободная земля».

Это одобрение одновременно было и результатом деятельности антирабовладельческой оппозиции в январе-марте 1847 года и гарантией сохранения в дальнейшем массовой поддержки антирабовладельческих политиков. По инициативе Дэвида Уилмота вопрос о рабстве был привнесён в партийно-политическую борьбу и стал в ходе её последующего развития важнейшей проблемой национальной развития, которая не могла теперь быть решена без нарушения пржнего секционального политического равновесия между Югом и Севером, с которым ни одна сторона не готова была примириться.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Sydnor Ch. S. The development of Southern nationalism 1800-1848. Baton Rouge (Loui.) – 1978. P. 244-245.
2. Jay W. View of the action of the Federal Government. N. Y. (1st. ed. 1839). – 1969. P. XVI – XVII; Nye R. B. Fettered freedom. Civil liberties and the slavery 1830-1860. Urbana (Ill.) – 1972. PP. 11, 72.
3. Foner E. The Wilmot Proviso Revisited//Journal of American history. Vol. LVI. No. 2. September. – 1969. P. 265-266; Morrison Ch. W. Democratic politics and sectionalism. Chapel Hill (N.C.). – 1967. P. 72-73; Wiceck W.M. The sources of antislavery constitutionalism in America 1760-1848. Ithaca (N.Y.) – 1977. P.123; Wilson M.L. Space, Time and Freedom. Quest for Nationality and Irrepressible Conflict. Westport (Conn.). – 1974. P. 120-121.
4. Baker G.E. The life of William H. Seward with the selections from his works. New

York – 1855. – PP. 30, 126; Greeley H. Recollections of buisy life…New York – 1868. – P. 293; Seward W.H. Life and public service of John Quincy Adams. Auburn (N.Y.) – 1851. – PP.355-356, 390; Wilson H. Rise and Fall of Slave Power in America. Vol. I. New York – 1969. – PP.375, 592-593,594-595, 621-628; Ibid. Vol.2. – PP. 1, 15-17.

5. Cooper W.J. The South and politics of slavery 1828-1856. N. Y. – 1983. – P. XIV
6. Slavery defended: The Views of the Old South. Ed. by McKitrock E.L.. Englwood Cliffs (N.Jer.) – 1963. – PP. 34-50, 69-85; The ideology of slavery. Proslavery thought in antebellum South, 1830-1860. Ed. By with the introd. by D.G. Faust. Baton Rouge(Loui.) 1981. – PP. 175, 177; Brock W.R. Conflict and Transformation. The United States 1844 – 1877. N. Y. – 1976. – P. 90-93; Sydnor Ch. S. The development of Southern nationalism … – P.244-245.
7. Cooper W.J. The South and politics of slavery 1828-1856. N. Y. – 1983. – PP. 215-216, 219.
8. Brock W.R. Conflict and Transformation … – P. 75.
9. De Bow J.D.B. Statistical view of the United States. N. Y. – 1970 (1st. ed. 1856). – PP. 175, 189; The North and South: being a statistical view of the condition of the free and slave states. Ed. by Chase H. and Sanborn E. H. New York. – 1970 (1 st. ed. 1857). – PP. 38, 40, 61- 62, 70, 74.
10. Fogel R.W. Without consent or contract. The rise and fall of American slavery. N.Y. – 1989. – PP. 324-329, 338-344; Morrison Ch. W. Op. cit. P. 62-63; Wiceck W.M. The sources of antislavery constitutionalism in America 1760-1848. Ithaca (N. Y.) – 1977. – P. 119-120; Wilson M.L. Space, Time … – P. 121-124.
11. Cole D.B. Jacksonian Democracy in New Hampshier 1800-1851.Cambridge (Mass.) – 1970. – P. 218-225; Cole D.B. Martin Van Buren and the American political system. Princeton (N. Jer.) – 1984. – P. 422; Fehrenbacher D. E. Chicago giant. A biography of "Long John" Wentworth. Madison (Wisc.) – 1957. – P. 56; Foner E. Wilmot Proviso … – P. 269-271; Garraty J. A. Silas Wright. New York. – 1949. – P 240-260; Niven J. Martin Van Buren: The Romantic Age of American politics. New York. – 1983. – P. 328; Parks G. E. Martin Van Buren and reorganization of the Democratic party 1841-1844. Madison (Wisc.) – P. 175-179; Paul J.C.N. Rift in the Democracy. Philadelphia (Penn.) – 1951. – P. 172-183; Schlesinger A. M. jr. The Age of Jackson. Boston (Mass.) – 1970. – P. 427-432; Sewall R.H. John P. Hale. The politics of abolition. Cambridge (Mass.) – 1965. – P. 52-67.
12. Congressional Globe. 29th Congr., I Sess. – P. 1217-1218.
13. Ibid. – PP. 794 – 795, 796, 802, 804. 805, 812, 814, 815-816, 820, 823-824, 828; Ibidem. Appendix. P. 641, 643-644.
14. The many-faceted Jacksonian era. New interpretations. Westport (Conn.) – 1977. – P. 82-83.
15. Congressional Globe. 29th Congr., I Sess. – P. 1204.
16. Polk J. K. The Diary of President James Knox Polk. Ed. by Nevins A. New York. – 1952. – P. 118; Garrison G. P. Westward expansion. 1841-1850. New York and London. – 1906. – P. 254-255; Morrison Ch. W. Op.cit. – P. 12-14; Sellers Ch. G. James Knox Polk. Continentalist 1843-1846. Princeton (N. Jer.) – 1966. – P. 477-478.
17. Congressional Globe. 29th Congr., I Sess. – P. 318.
18. Going C. B. David Wilmot – Free Soiler. A Biography of great Defender of Wilmot Proviso. Gloucester (Mass.) – 1966 (1st. ed. 1924). – PP. 61, 143-144.
19. Going C. B. David Wilmot … – PP. 52-53, 140-141.
20. Congressional Globe. 29th Congr., I Sess. – P. 318.
21. Foner E. The Wilmot Proviso Revisited … – P. 265-278.

22. Fehrenbacher D. E. The South and Three Sectional crises. Baton Rouge (Loui.) – 1980. – P. 34.
23. Congressional Globe. 29th Congr., I Sess. – PP. 683, 1158, 1169, 1196.
24. Foner E. Racial Attitude of the New York Free Soilers// New York History. The Quarterly Journal of the New York State Historical Association. Vol. XLVI. No. 4. October, 1965. – P. 322-323; Foner E. Wilmot Proviso … – P. 278.
25. Fehrenbacher D. E. The South … – PP. 10, 33-34; Fogel R.W. Op. cit. PP. – 301-308, 325-326; Going C. B. David Wilmot … – P. 111-112; Smith E.B. The presidencies of Zachary Taylor& Millard Fillmore. Lawrence (Kan.) – 1988. – P. 41-49.
26. Foner E. Politics and ideology in the age of the Civil War. New York, Oxford (Mass.) – 1980. – PP. 39, 40-43.
27. Going C. B. Op. cit. – P. 295.
28. Wiltse Ch.M. John C. Calhoun. Sectionalist. Vol. 3. New York. – 1969. – P. 337.
29. Congressional Globe. 29th Congr., 2 Sess. – PP. 334, 343, 424, 518, 540.

Федоров Николай Викторович,
канд. ист. наук, доцент
Кафедра американских исследований
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург
nfedorov@yandex.ru

АМЕРИКАНСКИЕ СИСТЕМЫ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ[1]

Аннотация. *В статье рассматривается влияние американских систем ПРО в Северо-Восточной Азии на интересы России в сфере безопасности. Хотя эти комплексы ПРО официально направлены против ракетных угроз со стороны Северной Кореи, они могут представлять вызовы для России в связи с изменением стратегического баланса сил и усилением американского военного присутствия в АТР. Эти вызовы в настоящее время носят преимущественно косвенный характер, но попытки России оказать им противодействие обусловлены также напряженностью в российско-американских отношениях, общим курсом политики США по развитию ПРО (в том числе и размещением систем ПРО в Европе) и готовностью Москвы поддержать позицию Китая.*

Ключевые слова и фразы: *российско-американские отношения, российско-китайские отношения, противоракетная оборона, THAAD, Корейский полуостров.*

Nikolai Fedorov,
Cand.Sc. in History, Associate Professor
Department of American Studies
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg
nfedorov@yandex.ru

U.S. SYSTEMS OF BALLISTIC MISSILE DEFENSE IN NORTHEAST ASIA: CHALLENGES FOR RUSSIA'S SECURITY

Abstract. *The article examines the influence of U.S. systems of BMD in Northeast Asia on Russia's interests in security sphere. Although these BMD complexes are officially aimed against North Korea's missile threats, they can also represent challenges for Russia because of problems of changing of strategic balance of power and strengthening of U.S. military presence in the APR. These challenges are at present mostly indirect, but Russia's attempts to counteract them are also stipulated by tensions in Russia-U.S. relations, general course of U.S. policy for development of BMD (including the deployment of BMD systems in Europe) and readiness of Moscow to support China's position.*

Key words and phrases: *Russia-U.S. relations, Russia-China relations, ballistic missile defense, THAAD, Korean peninsula.*

[1] Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, поддержанного стипендиальной программой «Дмитрий Менделеев», финансируемой совместно Санкт-Петербургским государственным университетом и Германской службой академических обменов (DAAD).

Проблема северокорейской ракетно-ядерной программы является одним из актуальных вопросов безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который прямо и косвенно влияет на интересы России. Одним из вызовов для безопасности России в этой связи может считаться развертывание Соединенными Штатами систем противоракетной обороны (ПРО) в Северо-Восточной Азии, которое позиционируется американской стороной как ответ на угрозы со стороны КНДР.

С 1999 г. США стали проводить совместно с Японией учения по противоракетной обороне. Были предприняты шаги по созданию системы «Theater Missile Defense» (TMD), в отечественной литературе обозначаемой как «противоракетная оборона театра военных действий» (ПРО-ТВД). На вооружение Японии были приняты эсминцы, оснащенные системой ПРО «Иджис» («Aegis»), а также наземные комплексы ПРО «Пэтриот». В 2006 г. в Японии была размещена американская радиолокационная станция передового базирования. Эсминцы с системой «Иджис» и комплексы «Пэтриот» поступили на вооружение и другого союзника США в Северо-Восточной Азии – Южной Кореи. В июне 2012 г. было объявлено о создании объединенной американо-южнокорейской системы ПВО и ПРО, предназначенной для прикрытия Корейского полуострова. Развертывание подобной системы было с недовольством воспринято Китаем, поскольку она была способна проводить мониторинг части территории КНР и перехватывать китайские ракеты. Кроме того, Пекин опасался, что данные элементы ПРО станут основой для развития всеобъемлющей системы ПРО в масштабах АТР с подключением всех американских региональных союзников [11, p. 21]. Россия также выступила с критикой развития системы ПРО в Северо-Восточной Азии. В частности, заместитель министра обороны А. Антонов в 2012 г. отмечал антироссийскую направленность американской системы ПРО в АТР [7, с. 47].

Еще большую обеспокоенность вызвало у Китая и России размещение в Южной Корее систем ПРО THAAD («Terminal High Attitude Area Defense»). Комплексы THAAD предназначены для перехвата баллистических ракет средней дальности и оперативно-тактических ракет радиусом действия до 1000 км на высотах от 40 до 150 км и являются вторым эшелоном противоракетной обороны в Южной Корее [1, с. 67-68]. В Сеуле начали рассматривать возможность размещения THAAD еще в октябре 2013 г., а спустя полгода американская сторона стала выбирать места на территории Южной Кореи для дислокации этих систем [8]. Более предметно размещение комплексов THAAD стало обсуждаться после проведения Северной Кореей испытаний водородной бомбы 6 января 2016 г. [14, p. 127-128]. В июле 2016 г. США и Южная Корея окончательно договорились о базировании THAAD. В марте 2017 г. в Республику Корея были доставлены первые ракетные установки, а в январе 2018 г. все системы комплекса THAAD были развернуты.

По заверениям американских официальных лиц (в том числе и командующего вооруженными силами США в Республике Корея генерала В. Брукса), системы THAAD предназначены исключительно для защиты Южной Кореи от северокорейской ракетной угрозы [4, с. 17]. Схожей позиции придерживаются и американские эксперты. Комплексы THAAD были, к примеру, характеризованы как «оборонительное оружие» с ограниченными возможностями [13, p. 79]. Американский эксперт Р. Вайц отметил: «Даже если бы THAAD и был нацелен на Китай и Россию, он смог бы сработать только в случае запуска этими странами ракет малой или средней дальности в сторону Южной Кореи. Перехватчики THAAD не могут поразить китайскую или российскую ракету в случае, если они летят в другом направлении, например, в сторону США» [10].

В то же время мощный радар, который входит в составе THAAD, позволяет с территории Южной Кореи держать под своим наблюдением северо-восточный Китай и часть российского Дальнего Востока [10]. По мнению Китая, целью данной системы

является сдерживание не столько КНДР, сколько КНР и России [1, с. 68]. Кроме того, дополнительными аргументами со стороны Китая против развертывания THAAD являются опасения развития гонки вооружений на Корейском полуострове и укрепления американских союзов в АТР [13, p. 84]. При этом что касается противодействия северокорейской ядерной угрозе, то российскими экспертами часто отмечается низкая эффективность данных систем для защиты Южной Кореи. По мнению К.В. Асмолова, «формально размещение THAAD объясняется северокорейской картой, но на самом деле американские ПРО прикрывают даже не объекты Южной Кореи, а объекты американской военной инфраструктуры» [8]. По словам А.О. Баранниковой, «военная целесообразность размещения данных систем на Юге Корейского полуострова, если они действительно направлены против Севера, практически отсутствует» [1, с. 68]. В самой Республике Корея бытует мнение, что комплексы THAAD больше служат предупреждением для КНДР, чем реальным средством защиты от северокорейской ракетной угрозы [1, с. 68].

Что касается вызовов, которые THAAD несет для России, то на этот счет существуют различные точки зрения. Часть российских исследователей полагают, что прямой угрозы для системы российского ядерного сдерживания THAAD не представляет [8]. С точки зрения других экспертов, системы THAAD в Южной Корее могут быть развернуты «до более совершенного ряда, который в перспективе уже может быть опасным для межконтинентальных баллистических ракет» [2]. В этом случае можно считать обоснованным мнение А.О. Баранниковой о том, что THAAD будет представлять неудобство для запуска баллистических ракет из дальневосточных регионов России. Кроме того, «любой компонент ПРО значительно снижает процент прорыва американской ПРО» российскими межконтинентальными баллистическими ракетами, что «создает дисбаланс в ядерных силах сдерживания между РФ и США» [1, с. 68-69]. Также развертывание THAAD видится как часть плана по созданию азиатско-тихоокеанской системы ПРО, которая будет дополнять компоненты ПРО, размещенные в Европе [8; 12, p. 5]. К примеру, в брифинге официального представителя российского МИД от 8 февраля 2018 г. размещение THAAD и систем ПРО в Европе критиковались как общая проблема. При этом развертывание американской ПРО рассматривалось на данном брифинге в контексте вызовов со стороны общего усиления военного присутствия США в Евразии [6].

Реакция России на размещение THAAD была менее жесткой, чем у Китая, но тем не менее между двумя странами уже вскоре после появления информации о возможности развертывания данных систем в Республике Корея стал вырабатываться механизм сотрудничества по противодействию данному вызову. Уже в марте 2016 г. прошли консультации между главами МИД России и КНР, где вопрос THAAD обсуждался в контексте общей обстановки на Корейском полуострове (включая испытание в КНДР водородной бомбы) [14, p. 128-129]. В январе 2017 г. Россия и Китай договорились о принятии совместных мер против размещения THAAD [9]. В заявлении, принятом министерствами иностранных дел России и Китая 4 июля 2017 г., говорилось: «Стороны подтверждают, что размещение в Северо-Восточной Азии комплексов ПРО THAAD наносит серьезный ущерб интересам стратегической безопасности региональных государств, включая Россию и Китай, не содействуют достижению целей денуклеаризации Корейского полуострова, равно как и обеспечению мира и стабильности в регионе. Россия и Китай выступают против размещения указанных комплексов, призывают соответствующие страны к немедленному прекращению и отмене процесса размещения и договорились предпринять необходимые меры по защите интересов двух стран в сфере безопасности, а также обеспечению стратегического баланса в регионе» [5]. Среди конкретных мер, принятых

Россией и Китаем, можно назвать проведение совместных учений (компьютерной симуляции) действий сил ПРО-ТВД [9]. В июле 2016 г. со стороны России прозвучали заявления о возможном размещении на российском Дальнем Востоке ракетных подразделений с радиусом действия до баз в Южной Корее, где располагаются элементы THAAD [2]. По прогнозам российского ученого Е.В. Гамермана, Россия и Китай «начнут развертывание собственных систем ПРО вблизи двух корейских государств» [3, с. 28]. Еще в середине 2016 г. американский исследователь Ю Бин указывал на проблему THAAD как на фактор, который способствует сближению России и КНР в вопросах военного взаимодействия и «стратегического доверия». Но в то же время эксперт отмечал, что это вряд ли станет основой для формирования полномасштабного военно-политического альянса [14, p. 135]. Как отмечает российский исследователь В.Б. Кашин, «Россия в принципе возражает против приближения систем ПРО США к своим границам и выступает единым фронтом с Китаем из этих общих политических соображений» [9]. В свою очередь, американский эксперт Р. Уоттс полагает, что проблема THAAD представляет для России и Китая скорее повод для сближения, чем реальное пересечение интересов [13, p. 91].

В настоящее время американские системы ПРО-ТВД (в том числе и THAAD), располагающиеся в Северо-Восточной Азии, являются больше косвенным, чем прямым вызовом интересам России в сфере безопасности. Однако развертывание данных систем проходит в условиях размещения американской ПРО в Европе и в общей обстановке конфронтации между Россией и США. Таким образом, выступая против ПРО в АТР, Россия фактически выступает против самой идеи изменения стратегического баланса сил, а также против усиления военных позиций США у российских границ. При этом фактор ПРО объективно способствует сближению России и Китая.

Представляется, что проблемы, вызванные американскими системами ПРО в Северо-Восточной Азии, будут только обостряться. Если шаги по нормализации отношений с Северной Кореей, предпринятые Вашингтоном и Сеулом в текущем году, принесут свои плоды, то это поставит вопрос о целесообразности базирования комплексов THAAD в Республике Корея. Если же процесс урегулирования будет сорван, то это, возможно, станет поводом для наращивания Соединенными Штатами сил ПРО-ТВД в регионе, что неизбежно вызовет ответную реакцию как в Пекине, так и в Москве.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Баранникова А.О. Влияние THAAD на Корейском полуострове на российско-корейские отношения // Известия Восточного института. − 2017. − № 1 (33). − С. 67-73.
2. Взгляд. Деловая газета. 08.07.2016. Балтачева М. Россия ответит на развертывание ПРО США в Южной Корее [Электронный ресурс]. − URL: https://vz.ru/world/2016/7/8/820385.html.
3. Гамерман Е.В. Китайско-американские отношения в период президентства Дональда Трампа и их влияние на безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. – Вып. 3 / отв. ред. Д.В. Кузнецов. − Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. − С. 27-30.
4. Казанин М.В. Некоторые аспекты военно-политической и экономической ситуации в Республике Корея после размещения системы ПРО // Геополитический журнал. – 2017. – № 2-3 (18). − С. 16-22.

5. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 04.07.2017. Совместное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова [Электронный ресурс]. − URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/2807662.
6. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.02.2018. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 8 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. − URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3062808.
7. Портяков В.Я. Российские оценки «возвращения» США в Азиатско-Тихоокеанский регион // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. – М.: ИДВ РАН, 2012. − С. 45-57.
8. РБК. 07.03.2017. Макаренко Г., Сидоркова И., Агапова А. Угрожают ли России американские комплексы ПРО в Южной Корее [Электронный ресурс]. − URL: https://www.rbc.ru/politics/07/03/2017/58be88409a794735e5411b3e.
9. Российский совет по международным делам. 16.01.2017. Кашин В. Российско-китайский ответ на THAAD [Электронный ресурс]. − URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-kitayskiy-otvet-na-thaad/#top-content.
10. Российский совет по международным делам. 05.07.2017. Ивашенцев Г. Южная Корея – США: Трамп, Мун и THAAD [Электронный ресурс]. − URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chrezvychaynyy-i-polnomochnyy-posol-rossii-chlen-rsmd/?sphrase_id=13209899.
11. Khoo N., Steff R. «This Program will not be a threat for them»: Ballistic Missile Defense and US relations with China and Russia // Defense & Security Analysis. − Vol. 30. – № 1. − 2014. − P. 17-28.
12. Suh J.J. Missile Defense and the Security Dilemma: THAAD, Japan's «Proactive Peace», and the Arms Race in Northeast Asia // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. – Vol. 15. – Iss. 9. − № 5. – April 27, 2017. – P. 1-9.
13. Watts R.C. "Rockets' Red Glare" – Why Does China Oppose THAAD in South Korea, and What Does It Mean for U.S. Policy? // Naval War College Review. − Vol. 71. − № 2. − Spring 2018. − P. 79-107.
14. Yu B. Russia-China Relations: H-Bomb Plus THAAD Equals Sino-Russian Alliance? // Comparative Connections. − Vol. 18. − № 1. − May 2016. − P. 127-138.

Кузнецов Дмитрий Владиславович,
канд. ист. наук, доцент
Кафедра всеобщей истории, философии и культурологии,
Благовещенский государственный педагогический университет
г. Благовещенск
kuznetsov_d@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА АМЕРИКАНЦЕВ

Аннотация. *В статье рассматриваются характеристики внешнеполитического менталитета американцев.*

Ключевые слова и фразы: *США, массовое сознание, общественное мнение, внешняя политика, внешнеполитический менталитет.*

Dmitry Kuznetsov,
Cand. Sc. in History, Associate Professor
Department of Universal History, Philosophy and Cultorology
Blagoveshchensk State Pedagogical University
Blagoveshchensk
kuznetsov_d@mail.ru

CHARACTERISTICS OF FOREIGN POLICY MENTALITY OF AMERICANS

Abstract. *In article the characteristics of foreign policy mentality of Americans is considered.*

Key words and phrases: *The USA, mass perception, public opinion, foreign policy, foreign policy mentality.*

Расценивая «идейные основы внешнеполитического менталитета американцев», в структуру которых включены такие элементы, как концепция «американской исключительности», миф о «явном предначертании» или «предопределении судьбы», вытекающая из этого идея «мессианства», оформившаяся во второй половине XX в. концепция *Pax Americana*, в качестве исходных, подчеркнём, что они являются питательной средой для складывания отдельных идей и концепций, также отражающих представления американцев об окружающем их внешнем мире, но имеющих более конкретное содержание. Так, ещё одной важнейшей составляющей внешнеполитического менталитета американцев является весьма устойчивый алармизм, отражающий на уровне массового сознания американцев не только особенности их религиозных взглядов в духе протестантизма, но и наличие угрозы, якобы, исходящей в сторону США от отдельных стран мира. Его конкретным проявлением является образ «врага».

В данном случае образ «врага» – это качественная (оценочная) характеристика (имидж) «врага», сформированная в общественном сознании, тогда как «враг» – это актор (явление), представляющий собой реальную или мнимую угрозу самому существованию индивида, группы, социума, носитель антигуманных свойств и качеств [46].

Э.Я. Баталов указывает: «Мир едва ли не всегда воспринимался в Америке в манихейском духе – как чёрно-белый, состоящий из "своих" – хороших и "чужих" – плохих, против которых следовало бы предпринять "крестовый поход"» [31, с. 184-185]. При этом объектом американской нетерпимости могла оказаться любая сила, действующая на международной арене, которая представляла реальную или мнимую угрозу (т.е. воспринималась как угроза) для национальных интересов США, а может, и просто являлась воплощением принципов, противоречащих национальному кредо американцев. Нетерпимо было всё, построенное на иных, по сравнению с американскими, принципах и претендовавшее на признание равного с Америкой права на существование.

В результате отношение американцев к различным странам мира по большей части характеризуется разделением стран на «друзей» и «врагов». Американцы к одним странам относятся резко отрицательно, к другим относятся резко положительно, деля, таким образом, весь мир на два противоположных лагеря – один дружественный, другой враждебный. И оценка этих стран обусловливается установившимися связями США с той или иной страной.

Причины возникновения на уровне массового сознания американцев подобного, крайне упрощённого взгляда на окружающий мир были вскрыты отечественными исследователями. Эти причины связаны со спецификой исторического развития США.

«Одним из результатов географической изолированности Соединённых Штатов являлось не только достаточно позднее "открытие" американцами внешнего мира, но и наличие устойчивых массовых представлений об этом мире как чрезвычайно туманном "образовании", что создавало естественную почву для стереотипного, чёрно-белого видения других стран… Американец более всего ощущает себя американцем именно через противопоставление себя внешнему, изначально чуждому Америке миру. Такого типа самоощущение имеет коннотации различного рода, создавая, в частности, при определённых условиях устойчивые психологические барьеры для адекватного восприятия и видения других… стран, их образа жизни, их непохожести на американцев», – подчёркивает М.М. Петровская [51, с. 41-42].

Таким образом, в первую очередь, речь идёт о тех многочисленных стереотипах, которые складываются на уровне массового сознания и воздействие которых на американцев до сих пор является весьма сильным. Достаточно высокий уровень стереотипизации мышления, столь присущий американцам, имеет своим следствием оформление на уровне массового сознания образа «врага», наличие которого зачастую является фактом вымышленным, не соответствующим ситуации, складывающейся в реальной действительности.

В связи с этим важно обратиться к идеям, которые были сформулированы У. Липпманом. Ещё в 1920-е годы он разработал, ставшую уже классической, теорию стереотипов, подчёркивая, что чем отдалённее объект (в данном случае – какая-либо страна), тем упрощённее складывающиеся о нём представления. В одной из многочисленных работ У. Липпмана («Общественное мнение», 1922 г.) подчёркивалось, что представления людей искажаются не только ввиду усложнения внешнего мира и отчуждения от него индивидуума, но и из-за ограниченности самого человека. Они искажаются стереотипами мышления, задаваемыми сформировавшей его культурой. «По большей части, вместо того, чтобы сначала увидеть, а потом определять, мы, напротив, сначала определяем, а потом видим», – указывал У. Липпман. И далее: «Мы замечаем только то, что уже сформулировано для нас нашей культурой, причем воспринимаем это замеченное в форме стереотипов…» [23].

Основополагающей считает роль стереотипов Майкл Х. Хант, по мнению которого чувство национального превосходства породило у американцев весьма

оскорбительные для других народов мира стереотипы, когда в традиционном представлении американцев все другие народы мира располагаются в определенной иерархии, поделенной на такие полюса, как «Цивилизация» и «Варварство», «Современность» и «Традиционализм» и т.д. и т.п. [10].

Между тем не только стереотипизация мышления является причиной возникновения на уровне массового сознания американцев образа «врага». Важную роль играют также религиозные взгляды в духе протестантизма, особенно, учитывая, что в США протестанты составляют большую часть верующих.

В 1980-е годы Г.А. Арбатов оценивал идеологию, лежащую в основе тех действий, которые предпринимали США на международной арене как «разновидность религиозно-политического манихейства, когда вся международная жизнь изображается в виде противоборства Света и Тьмы». «Для внешней политики США характерно ярко выраженное деление многоликого в социальном и политическом плане мирового сообщества на своих и чужих («мы и они»)…», – писал Г.А. Арбатов [30, с. 9].

Действительно, именно традиции протестантизма задавали особый стиль массовому сознанию американцев, вырабатывали типично «моралистический» подход к оценке отдельных субъектов международных отношений. США всегда являлись страной, в которой преимущественное распространение получил именно протестантизм. В частности, в колониальный период из Англии хлынул поток переселенцев и большинство из них составляли пуритане, тогда как в дальнейшем не без оснований считалось, что протестантизм в силу отсутствия централизованной церковной власти, определённой свободы толкования религиозных догматов, отсутствия сложных ритуалов и т.д. больше, чем какая-либо другая религия, соответствует духу американцев, неизменно и достаточно ревностно отстаивавших свои идеалы. И хотя проживавшие на территории современных США жители вовсе не отличаются единством религиозных убеждений, именно идеи пуританизма, как оказалось, оказали самое сильное воздействие на процесс складывания «американского характера» [34].

Как подчёркивал С. Липсет: «Моралистическая ориентация унаследована американцами от их протестантского прошлого» [24]. Заимствованный из Библии эсхатологический взгляд на мир, базирующийся на дуалистическом разделении всего существующего на Земле, имеет своим следствием оформление таких дихотомий, как абсолютное «Добро» против абсолютного «Зла», Бог против Сатаны, «Свет» против «Тьмы» и т.д. Полутона, таким образом, отсутствуют. Отсюда объясним и тот постоянный поиск «врага», который наблюдается на протяжении практически всей истории США, и стремление американцев вести борьбу против этого «врага», их желание одержать над ним победу во имя распространения американских идеалов, главным из которых в самой Америке считается Свобода.

Обращаясь к фактам, следует упомянуть о том, что прибывшие в Америку колонисты-пуритане заимствовали дуалистический взгляд на мир, включающий элементы теории заговора, из Книги откровения. Прибыв в Северную Америку, они столкнулись с индейскими племенами, культурные традиции которых были им чужды [50]. Пуритане, находившиеся на стадии формирования их самоопределения как самостоятельной социальной общности, подчёркивали свою обособленность, а также превосходство, противопоставив свою «цивилизацию» «варварству», олицетворением которого являлись индейцы [38, с. 181].

Одним из первых, но в то же время весьма ярких примеров проявления религиозной нетерпимости пуритан в Америке стали знаменитые ведовские процессы в Салеме в 1691-1692 гг., которые повлекли за собой казнь 19 женщин по обвинению в связи с Дьяволом [33].

Как свидетельствуют факты, в числе «врагов» США неоднократно оказывались участники международных отношений – отдельные независимые государства, от которых, по мнению руководства страны, якобы исходила угроза национальной безопасности США.

В условиях Войны за независимость был оформлен образ фактически первого «врага» – Англии, который укрепился во время англо-американской войны 1812-1814 гг.

В XIX в. – это Мексика, с которой США столкнулись в результате дальнейшего развития процесса расширения своей территории. Результатом стала война, которая имела место в течение 1846-1848 гг.

На рубеже XIX и XX вв. – это Испания, с которой США также вели войну (испано-американская война 1898 г.).

Во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. «врагом» стала Германия, тогда – своеобразное олицетворение тирании, с которым США как государство, в котором демократические устои получили своё наибольшее проявление, будучи «форпостом демократии», были обязаны вести борьбу.

На протяжении практически всего XX в. образ «врага» являлся основополагающим элементом, характеризовавшим отношение американцев к Советскому государству. Оформление этого образа «врага» относится уже к 1919-1920 гг., когда в США имела место настоящая истерия в связи с так называемой «красной угрозой», которая вошла в историю под названием «Великий красный страх». В результате, антикоммунизм стал составной частью американской идеологии на долгие годы вперед. Даже установление в 1933 г. дипломатических отношений между США и СССР в принципе не изменило отношение американцев.

С началом Второй мировой войны 1939-1945 гг. в качестве главного «врага» стали расцениваться державы «оси» – нацистская Германия, фашистская Италия и империалистическая Япония.

После 1945 г., когда началось обострение взаимоотношений двух «сверхдержав», что привело к началу «холодной войны», для США СССР вновь оказался в числе «врагов».

В эпоху «холодной войны», помимо Советского государства, в числе «врагов» оказались и другие социалистические страны, например, Китайская Народная Республика, Республика Куба, а в условиях Корейской и Вьетнамской войн, соответственно, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ).

На рубеже 1970-х и 1980-х гг., под влиянием актуализации проблемы международного терроризма, в числе «врагов» оказались страны, расположенные на Ближнем и Среднем Востоке – Иран и Сирия, а также Ливия, в адрес руководства которых США выдвинули обвинения в поддержке международного терроризма.

К концу 1980-х годов в числе «врага» оказался Ирак и война в Персидском заливе (1991 г.) продемонстрировала, что образ враждебной нации продолжает доминировать в общественном мнении США.

Трагические события 11 сентября 2001 г. укрепили среди американцев мнение о том, что самая значительная угроза в адрес США исходит со стороны государств, относящихся к исламским: так называемая «исламская угроза», связываемая в первую очередь с проблемой международного терроризма, в представлении американцев, стала очевидной.

Наряду с этим еще одной значительной, по мнению американцев, в 2000-е годы являлась угроза, связанная со стремлением некоторых стран (Иран и Северная Корея) к обладанию собственного ядерного оружия. Отсюда – Ирак, Иран и Северная Корея (так

называемая ось зла), а также Сирия (в адрес этих стран в 2000-е годы неоднократно звучали обвинения со стороны руководства США в том, что они стремятся получить ядерное оружие и в перспективе могут использовать его против США), как считали американцы, представляют наибольшую опасность для США, являются враждебными по отношению к США государствами, неся угрозу национальной безопасности.

Фактически, алармизм по-прежнему остается важнейшей составляющей внешнеполитического менталитета американцев, массовое сознание которых с определённой периодичностью выявляет всё новых и новых «врагов».

Обращает на себя внимание факт, что в последнее время ухудшилось отношение американцев к Китаю и России [32]. В 2000-е и 2010-е гг. неоднократно фиксировалось усиление критического настроя жителей США к РФ, достигшее своего пика в 2014-2015 гг., под влиянием событий, связанных с Украинским кризисом и других международных проблем. На наш взгляд, это есть свидетельство того, что американцы всё ещё находятся под воздействием устоявшихся в эпоху «холодной войны» стереотипов в соответствии с которыми Россия рассматривается сквозь призму образа «врага».

Таким образом, совершенно очевиден тот факт, что в числе «врагов» США в первую очередь оказывались именно те государства, от которых, по мнению руководства страны, исходила угроза её национальной безопасности. Образ «врага» же представляет собой определённую, якобы враждебно настроенную по отношению к США, нацию, от которой к тому же исходит угроза. Однако важно подчеркнуть, что в первую очередь стереотипизация представляет собой основу для складывания очередного образа «врага», другими словами, образ «врага» по большей части носит искусственный характер.

Складывание очередного образа «врага» связано с наличием двух важнейших категорий – «Я» и «Другой», которые, опять-таки, во многом искусственным путём, противопоставляются друг другу в стремлении обозначить некую грань, отделяющую их друг от друга на уровне восприятия «Свой» – «Чужой». Попытки дать объяснение этому процессу предпринимались как отечественными, так и зарубежными исследователями.

К примеру, Ю.А. Замошкин указывает: «Образ "врага", возникающий в какой-либо стране применительно к другой, обычно лишь тогда обретает действительную психологическую силу, а также значимость, когда он возрастает из убежденности массового сознания в том, что эта другая страна представляет угрозу». Однако, по его мнению, в большинстве случаев эта угроза как таковая отсутствовала, в связи с чем «объяснение, вероятно, следует искать в реалиях самого сознания, самих чувств американцев, в их внутреннем психологическом состоянии, а также в действии тех механизмов, которые мешали реалистическому видению и восприятию действительного положения дел» [42, с. 256]. На это же обстоятельство в своем диссертационном исследовании указывают Е.Е. Рябцева [52] и другие исследователи [39; 41; 43; 44].

Л. Гудков подчёркивает, что «как бы семантически не различались те или иные виды образов… "врагов", их главная функция – нести представления о том, что является угрозой самому существованию группы (обществу, организации, с которой идентифицирует себя субъект и адресат риторических обращений – автор, читатель или зритель), её базовым ценностям. Смертельная опасность, исходящая от "врага", является важнейшим признаком подобных смысловых… конструкций. Этим "враг" отличается от других, хотя и близких, персонажей символического социального театра – "чужого"…» [40, с. 7-79].

Ярче всего это видно на примере идеологических конструкций, которые были сформированы в США во время «холодной войны», когда возникла так называемая теория коммунистического заговора, представлявшая в условиях конфронтации США и СССР важнейший элемент массового сознания американцев и объяснявшая природу международных конфликтов деятельностью Москвы, направленной на насильственное свержение существующей системы власти в целях создания «всемирного коммунистического государства». Вследствие этого руководство США неоднократно после 1945 г. объявляло отдельные регионы земного шара, например Дальний Восток, Юго-Восточную Азию, Ближний и Средний Восток, Латинскую Америку, зонами «жизненно важных интересов» США, а происходившие здесь антиправительственные выступления – «агрессией коммунизма». При этом «теория коммунистического заговора» стала частью так называемой кризисной стратегии США, состоявшей в использовании локальных войн для инспирирования опасных, действовавших на международном уровне, кризисов. «Кризисная стратегия» породила столь опасные для всего мира ситуации, как, например, Карибский кризис 1962 г.

Исследователи из США Ч. Кегли и Ю. Уитткопф, раскрывая суть образа «врага» на примере СССР, подчёркивают, что в основе подобного, исключительно негативного восприятия этого государства лежало то, что, «во-первых, коммунизм представляет принципиальную опасность миру, и необходимо использовать силу, чтобы бороться с распространением этой опасности; во-вторых, поскольку Советское государство является передовым отрядом коммунизма, то американская внешняя политика должна быть направлена на сдерживание советского экспансионизма» [15, p. 36].

П. Дж. Гоуновер и С. Филдман, отождествляя СССР с понятием «коммунизм», считают образ «врага» «мерилом, с помощью которого можно определять взгляды, ценности и предпочтения» [8].

Ю. Бронфенбреннер на первый план выдвигает чисто психологические факторы, а именно: склонность человека к построению упрощённой, чёрно-белой картины окружающего мира, к полярному разделению как отдельных людей, так и целых наций на хороших и плохих, эффект так называемого «группового давления» [9].

Р. Джервис указывает на определяющее влияние факторов психологического свойства в процессе формирования образа «врага» [11].

Б. Глэд также считает, что важнейшим основанием для складывания образа «врага» является чёрно-белое видение мира, при котором отсутствует возможность улавливать полутона. Рассматривая ситуацию, сложившуюся в 1980-е годы, он указывает на «дегуманизацию противника», в том числе предполагающую преувеличение его могущества, усиливающую негативное восприятие [7].

С. Кин, автор книги «Лица врага. Размышления о психологии враждебности», рассмотрев типичные приемы, используемые пропагандой стран, находящихся в состоянии конфликта, на основе большого фактического материала высказал мнение, что, несмотря на различные условия, характеристики, приписываемые враждебной стороне, очень схожи между собой. С. Кин считает, что существует «стандартный набор образов, используемых для дегуманизации врага». Чаще всего «враг» изображается как агрессор, насильник, безбожник, преступник, мучитель, а также палач, носитель смерти, наделенный при этом такими чертами, как садизм, жестокость, бесчеловечность, ненасытная алчность, имперские амбиции. В конечном счете, «враг» воспринимается именно как некий «чужой» в противовес «своему», по сути «варвар, несущий угрозу цивилизации». Как подчёркивает С. Кин, характерно также карикатурное изображение «врага» в виде насекомых, змей, крыс и других не очень привлекательных представителей животного мира. В свою очередь, главным источником складывания образа «врага» С. Кин считает факторы психологического

свойства, а именно: глубоко скрытые в человеческой душе враждебность, а также подозрительность, жестокость, постоянно вырывающиеся наружу животные инстинкты, которые, являясь социально неприемлемыми, подавляются нашим сознанием и как бы переносятся, «проецируются» на внешний объект, т.е. на «врага». Наряду с этим С. Кин важную роль в формировании враждебного отношения к другим нациям приписывает широко распространенному, по его мнению, чувству отчуждения от окружающего мира, противопоставлению человека и общества, представлению о том, что мир неизбежно делится на сильных и слабых, победителей и побеждённых. Кроме того, по мнению С. Кина, отрицательные характеристики, приписываемые пропагандой какой-либо страны другим нациям, часто есть отражение негативных процессов в жизни собственной нации [14].

Одной из составляющих образа «врага» является осознание того, что, помимо чисто американских ценностей, в мире существуют и другие, олицетворяемые нациями, вовсе не похожими на американскую. Д. Дж. Финлей, Оле Р. Холсти и Р. П. Фэджен, указывая, что одна из функций образа «врага» заключается в том, чтобы «обеспечивать наличие контрастов, чтобы мы могли измерять или превозносить нашу систему ценностей», связывают антисоветские настроения американцев, во-первых, с патриотизмом, во-вторых, с моральными традициями, в-третьих, с христианским фундаментализмом. Указанные авторы в своей книге «Враги в политике» с достаточной прямотой заявляют следующее: «Кажется, что мы всегда нуждаемся во враге и "козле отпущения", если его ещё нет в наличии, мы создаём его. Враг помогает выявить нелояльность в собственной стране, помогает отвлечь от более серьёзных внутренних проблем» [4].

Фактически всё, что не является американским, т.е. не входит в структуру существующих в США ценностей, может вызывать враждебность среди американцев. Однако применительно к США образ «врага», согласно К.С. Гаджиеву, как бы оправдывает гегемонистские устремления этой страны. «Очевидно, что предъявляемые Вашингтоном претензии на роль единственного центра принятия решений по всем сколько-нибудь важным вопросам мировой политики, единоличного вершителя судеб всего мира, мирового полицейского и т.д. невозможно обосновать и, как говорится, успешно "продать" остальному миру без наличия общего врага, якобы представляющего угрозу безопасности всего мира. И действительно, если Америка перестанет быть защитницей свободы и демократии против всевозможных врагов, то что будет с идеей американской миссии и особой роли США в мировой истории?», – подчёркивает К.С. Гаджиев [35, с. 53-54].

Важно подчеркнуть, что американские СМИ во многом способствуют складыванию в США образа очередного «врага» [1; 27]. Это, в первую очередь, электронные средства массовой информации (главным образом, телевидение и радиовещание), а также периодическая печать, в связи с чем уместно привести высказывания Джорджа Х. Гэллапа, который сделал вывод о том, что «общественное мнение практически полностью определяется сообщениями средств массовой информации» [5]. Однако, процесс складывания в массовом сознании американцев очередного образа «врага» связан не только с деятельностью американских СМИ. Следует также учитывать воздействие, которое оказывают киноиндустрия, а также книги. Возникновение образа «врага» связано и с наличием достаточно широкого психологического подтекста, по большей части формирующегося уже на стадии детства и юношества.

В свою очередь, «размывание» образа «врага», а также его исчезновение, как показывает практика, происходит эволюционным путем, но достаточно медленно, под воздействием преимущественно внешних факторов, главным из которых являются

действия, осуществляемые на мировой арене, но наряду с этим следует также назвать такие немаловажные факторы, как позиция средств массовой информации, туризм, наконец, личные контакты.

Подобная конструкция внешнеполитического менталитета американцев, которая сложилась с учётом специфики исторического развития США, дополняется ещё целым рядом важных элементов, имеющих собственное происхождение и звучание.

Это амбивалентная пара идеализм и реализм, отражающая противоположные по своей сути подходы к восприятию процессов, происходящих на международной арене [3; 9].

Что касается идеализма, широкое обращение к которому во внешней политике США началось при В. Вильсоне, благодаря чему данная концепция иногда позиционируется как вильсонианство [29], то он предполагает практически неограниченную веру в эффективность преобразовательных действий, осуществляемых в мире в соответствии с некими идеальными, основанными на универсальных принципах этики и морали, концепциями (например, опираясь на теорию так называемого «демократического мира»). Имеющиеся вариации идеализма, в частности, его неолиберальная и неоконсервативная трактовки, различаются в методах, используемых на практике. Во втором случае, при необходимости, не исключается использование военной силы. Однако оба варианта связаны с фактическим отрывом от реалий, существующих в международной арене, что не только не способствует реализации поставленных целей и задач, но и часто ведет к разочарованиям в проводимом курсе.

С другой стороны, реализм предусматривает обязательное соотношение выбранных в сфере внешней политики ориентиров с реально существующими возможностями в их достижении. В широком значении реализм более приоритетной по отношению к идеологическим императивам считает категорию национальных интересов страны, включает требование рассматривать ситуацию на международной арене вне зависимости от идеологических пристрастий и моральных категорий.

Это также основанная на реалистическом подходе к международным отношениям концепция *Realpolitik*, превозносящая отстаивание национальных интересов страны с упором на реальную военную силу [26] и напрямую связанная с идеями, высказываемыми в русле «политического реализма».

Истоки «политического реализма» восходят еще к отцам-основателям США. Дж. Вашингтон, Дж. Монро, А. Гамильтон, а также Дж. Кэлхаун, братья Адамсы, адмирал Мэхэн, Н. Спайкмэн, – все они пытались отыскать для США мировую роль, достойную этой страны, оперируя преимущественно не напыщенной терминологией в духе *Manifest Destiny*, а кажущейся им более четкой терминологией «баланса сил». После 1945 г. идеи в духе *Realpolitik* получили поддержку со стороны группы германских политологов, эмигрировавших в США, в первую очередь, со стороны Ганса Й. Моргентау, который выступал за внешнюю политику, «обеззараженную» от идеологии, опирающуюся на силу, использование которой должно соразмеряться с правильно понятым интересом, что предполагало объективный анализ всех условий, обстоятельств, факторов, воздействующих на баланс сил в сфере международных отношений. Свое окончательно оформление концепция *Realpolitik* получила благодаря Г. Киссинджеру, с помощью которого она стала преобладающим для руководства США на рубеже 1960-х и 1970-х гг. подходом в международных отношениях. «Сегодня, – писал Г. Киссинджер, – мы убеждены в том, что как и большинство других наций в истории, мы не можем ни бежать от этого мира, ни властвовать над ним… Мы больше не можем надеяться, что моральные суждения, выраженные в абсолютных терминах, встретят широкую поддержку… Пришло время трезво взглянуть в глаза реальности». И

хотя сам Г. Киссинджер предупреждал, что «наш выбор заключается не в выборе между идеализмом и реализмом, мы не можем отказаться ни от одного, ни от другого», данная позиция очень многими американцами была воспринята как выражение прагматического подхода к внешней политике [16].

Концепция *Realpolitik* является отражением сугубо прагматического подхода к международным отношениям, призывающего руководствоваться прежде всего соображениями своей пользы и выгоды, своего конкретного интереса. Данный подход, который опирается также на традиции предпринимательской, индивидуалистской идеологии в тех вариантах, которые получили широкое распространение среди американцев, впервые был обозначен еще в теории «просвещённого эгоизма».

Теория «просвещенного эгоизма» возникла в XVIII в. и представляет собой некое мерило разумности, средство уравновешивающее мессианизм более трезвыми соображениями о необходимости соблюдать интересы страны на международной арене с имеющимися в ее распоряжении ресурсами и средствами реализации интересов. Этот принцип призывает к тому, чтобы в своей внешней политике США руководствовались не набором неких пригодных для всех абстрактных правил, а соображениями национальной выгоды с точки зрения долговременной перспективы. Степень же предпочтения, отдаваемая именно долгосрочному, стратегическому выигрышу, по сравнению с сиюминутными выгодами, является мерилом просвещенности внешней политики США.

Ядром этой идеологии явилась модель успеха любой деятельности, измеряемого прежде всего богатством, властью и влиянием, причем достижение успеха прочно ассоциируется с победой в ходе конкурентной борьбы.

Это, далее, морализм, в соответствии с которым приоритетными в международных отношениях являются универсальные моральные ценности и принципы [12]. При этом имеется ввиду апелляция к моральным ценностям и принципам, к принципам идеологии, выходящим за рамки прагматического расчёта. Здесь огромную роль играют идеалы, общие для всех нравственные принципы, которые рассматриваются как высшие, первичные по отношению к утилитарным частным расчётам. Такими идеалами, например, являются идеалы «демократии по-американски». Обращение к морализму может стимулировать осуществление на международной арене определённых действий. Во внешней политике США морализм зачастую выступает в роли сознательного и активного защитника американской системы, отстаивающего на международной арене интерес этой системы как некой ценности. В результате морализм становится враждебен по отношению ко всем, кто реально и потенциально препятствует реализации внешнеполитических интересов этой системы или угрожает её дальнейшему развитию, даже существованию.

Особое значение имеют концепции изоляционизма и интернационализма – два ставших уже традиционными подхода к деятельности страны на международной арене, предусматривающие, соответственно, неактивную и активную роль в мире [25].

Идея невовлечения в дела других государств, наций, народов, этносов лежит в основе изоляционистского подхода. Правда, важно подчеркнуть, что в современной трактовке изоляционизм в чистом виде практически отсутствует. Суть изоляционизма, таким, каким он видится большинству американцев в настоящее время, заключается в проведении умеренной по своему характеру внешней политики: «Америка не должна ни отдаляться от остального мира, ни игнорировать его, но должна свести к минимуму прямое вмешательство в дела других за пределами своих границ» [28]. В результате изоляционизм в известной мере сближается с интернационализмом, в основе которого находится установка на активные действия и их реализация в рамках внешнеполитического курса.

Часто встречающийся в отечественной специальной литературе термин интервенционизм в сущности является синонимом понятия интернационализм. Его применение отражает возникшую в советское время традицию оценивать многие действия, предпринимаемые руководством США, особенно, использование военной силы, в русле интервенционистской, т.е. опирающейся на военную мощь, политики. С другой стороны, не следует забывать также о причинах идеологического характера. Во время «холодной войны» идеологема интернационализма получала полярные трактовки в социалистических и капиталистических странах. Так, активная внешняя политика, проводимая со стороны США, расценивалась в либеральной традиции как интернационалистская политика, а в марксистской традиции как интервенционистская политика, тогда как активная внешняя политика, проводимая со стороны СССР, расценивалась в либеральной традиции как интервенционистская политика, а в марксистской традиции как интернационалистская политика.

Вместе с тем мы рассматриваем интервенционизм в контексте внешнеполитического менталитета американцев – в качестве установки на гораздо более активное участие в мировых делах, вовлечённость в различные ситуации, возникающие на международной арене, с опорой на использование военной силы**.**

Интервенционизм, представляющий установку на гораздо более активное участие в мировых делах, вовлеченность в различные ситуации, возникающие на международной арене, с опорой на использование военной силы, в настоящее время можно расценить в качестве одной из важнейших составляющих внешнеполитического менталитета американцев, напрямую влияющих на их отношение к проблемам использования военной силы. Эта установка сформировалась на уровне массового сознания американцев не сразу.

Первоначально географическая удаленность США от других «центров силы» и отсутствие реальной опасности вторжения извне, весьма обширная территория, как впрочем и богатство природных ресурсов позволяли широким слоям населения на протяжении длительного периода времени едва ли не полностью абстрагироваться от реалий международной жизни. Правда, уже на ранних этапах истории США важнейшей характеристикой подхода американцев к проблемам внешней политики оказалась идея «мессианства» – вера американцев в особую «миссию» США, органически связанная с концепцией «американской исключительности».

В результате именно на основе этого «комплекса превосходства» по отношению к другим странам в США сложились изоляционистская и интернационалистская ориентации, воплотившие в себе различные представления о путях реализации этой «миссии», на что указывает Г. Киссинджер. Моральный долг «избранной Богом» страны (т.е. Америки) заключался: в изоляционистской версии – выступать в качестве «маяка», в интернационалисткой версии – выступать в качестве «крестоносца» [13; 22].

«Американская внешняя политика – как изоляционистская, так и интернационалистская – всегда была чрезвычайно моралистичной по своей тональности и риторике», – подчеркивает И. Кристол [21].

В настоящее время при рассмотрении ориентаций, сложившихся в общественном мнении США относительно проблем внешней политики, пожалуй, самое широкое распространение получила общая типология, в основе которой лежит выделение указанных двух типов – изоляционистского и интернационалистского [47]. И хотя размежевание по линии «изоляционизм – интернационализм» во многом так же условно, как и противопоставление либералов и консерваторов, Э.Я. Баталов справедливо отмечает, что либеральная и консервативная типология «составляет существенный элемент политической культуры американского общества и прочно входит в состав принятых им правил и символов… игры, с которыми исследователь

обязан считаться» [54, с. 51-52]. И.Е. Малашенко, развивая эту типологию, перенес ее на внешнеполитические взгляды американцев, выделяя соответствующие внешнеполитические ориентации – либеральный и консервативный варианты изоляционизма и интернационализма [47]. По мнению И.Е. Малашенко, изоляционизм и интернационализм не существовали во внешнеполитическом сознании в чистом виде, они сохраняли свою силу и влияние лишь в качестве тенденций, наполнявшихся специфическим содержанием по мере исторического развития американского общества. Не оставался неизменным и «удельный вес» каждой из этих ориентаций в массовом сознании: в зависимости от чередования периодов в истории внешней политики США в массовом сознании могли брать верх изоляционистские или интернационалистские тенденции [48].

Указанные элементы вполне вписываются в конструкцию внешнеполитического менталитета американцев, даже несмотря на то, что некоторые из этих элементов по отношению друг к другу являются взаимоисключающими. Данное обстоятельство свидетельствует об исключительно важной характеристике, присущей массовому сознанию американцев в области внешней политики – амбивалентности, проявляющейся в одновременном сосуществовании противоположных по своему характеру установок, о чём неоднократно в своём фундаментальном труде «Дипломатия» упоминает Г. Киссинджер.

«В XX веке ни одна страна не оказала столь решительного и одновременно столь амбивалентного влияния на международные отношения, как Соединённые Штаты, – подчёркивает Г. Киссинджер. – Ни одно общество не настаивало столь твёрдо на неприемлемости вмешательства во внутренние дела других государств и не защищало столь страстно универсальности собственных ценностей. Ни одна иная нация не была более прагматичной в повседневной дипломатической деятельности или более идеологизированной в своём стремлении следовать исторически сложившимся у неё моральным нормам. Ни одна страна не была более сдержанной в вопросах своего участия в зарубежных делах, даже вступая в союзы и беря на себя обязательства, беспрецедентные по широте и охвату. Специфические черты, обретенные Америкой по ходу её исторического развития, породили два противоположных друг другу подхода к вопросам внешней политики…» [45, с. 9-10]. По мнению Г. Киссинджера, окончательное оформление этой специфической черты произошло в период президентства В. Вильсона, деятельность которого предопределила «на десятилетия амбивалентность американского сознания, пытавшегося примирить принципы с необходимостью» [45, с. 39].

Важной характеристикой, присущей массовому сознанию американцев в области внешней политики, является то, что конструкция внешнеполитического менталитета американцев подвержена трансформациям. Речь идёт о том, что отдельные элементы, образующие эту конструкцию постоянно предстают в различных ипостасях, в зависимости от их интерпретации, а также текущей политической ситуации. Гибкость внешнеполитического менталитета современных американцев, его эластичность вызвана рядом обстоятельств.

Для США характерна страстная борьба по вопросам внешней политики и довольно резкие переходы от одной внешнеполитической линии к другой внешнеполитической линии, соответствующие резким колебаниям в общественных настроениях. Но через все эти колебания проходит идея всемирной миссии Америки. «Борьба вокруг внешней политики – это в громадной степени борьба по вопросу о способах осуществления этой миссии», – подчёркивают авторы коллективного труда, посвященного внешней политике США.

Для США всегда были характерны пацифистские настроения масс. Однако из-за своей связи с идеей «избранности» Америки, пацифизм в США с лёгкостью может переходить в свою противоположность, как это было во время Первой мировой войны 1914-1918 гг., когда военный психоз с легкостью сменил пацифистские настроения, поскольку милитаристская лихорадка разгоравшаяся под лозунгами «войны, которая ведётся, чтобы положить конец войнам и сделать мир безопасным для демократии», была для американцев как бы естественным продолжением пацифизма [53, с. 167].

Американцы – в массе своей – легки на подъём под лозунгами различных «крестовых походов». Однако характерным сопутствующим элементом многочисленных «крестоносных» кампаний в сфере внешней политики являются морально-идеологические кризисы в США, возникающие в ситуации, когда тот или иной из развёрнутых «крестовых походов» заносит в тупик. Такие тупики после некоторого периода прострации, как правило, ведут в США к ревайвалистским тенденциям – «великим пробуждениям» религиозного сознания, «открытиям заново» светоча истины в религиозной философии. Эти интенсивные религиозные возрождения есть не что иное, как стихийные попытки обращения к религии, уходом в неё с тем, чтобы освободиться от чувства стыда, вины или глубокого морального разочарования, вызванного провалом тех или иных «крестоносных» кампаний, в которые были вовлечены массы.

В силу присущей массовому сознанию американцев импульсивности, объяснимы также быстрые переходы на уровне массового сознания американцев от одной крайности к другой, нередко приводящие к «маятниковому» движению настроений в американском обществе. Все эти взлеты и падения, активность приводят к пульсирующему, лихорадочному течению общественно-политической жизни, движению общественного «маятника» «туда-обратно».

В связи с этим следует упомянуть об исследованиях, которые были проведены учёным из Университета штата Иллинойс Фрэнком Л. Клингбергом. Он подверг анализу явление, которое он определил как «историческую перемену настроений в американской внешней политике», обнаружив в итоге периодическое колебание от «экстраверсии» к «интроверсии». Проведя систематизацию событий, относящихся к истории США, Фрэнк Л. Клингберг выявил цикличность колебаний в «американском настроении» между «сосредоточенностью на внутренних делах» (интровертное) – 1776-1798 гг., 1824-1844 гг., 1871-1891 гг., 1918-1940 гг., 1967-1987 гг. (средняя продолжительность цикла – 21 год) и «сосредоточенностью на внешних делах» (экстравертное) – 1798-1824 гг., 1844-1871 гг., 1891-1918 гг., 1940-1967 гг., 1987-2014 гг. (средняя продолжительность цикла – 27 лет). В результате выяснилось, что речь идет о своеобразном чередовании этой «сосредоточенности» [17; 18; 19; 20].

Рассмотренные выше отдельные элементы, входящие в структуру внешнеполитического менталитета современных американцев, в первую очередь, «идейные основы внешнеполитического менталитета американцев» (концепция «американской исключительности», миф о «явном предначертании» или «предопределении судьбы», вытекающая из этого идея «мессианства», оформившаяся во второй половине XX в. концепция *Pax Americana*), являющиеся питательной средой для складывания отдельных идей и концепций, также отражающих представления американцев об окружающем их внешнем мире, но имеющих более конкретное содержание (алармизм, конкретным проявлением которого является образ «врага», идеализм и реализм, концепция *Realpolitik*, моралистический, концепции изоляционизма и интернационализма, интервенционизм), будучи составляющими национальной Я-концепции, усиленно культивируются в США среди самых широких слоев населения, причем с самого раннего возраста.

В воспроизводстве и последующем распространении от поколения к поколению многочисленных мифов, связанных с «исключительностью» США, важнейшую роль играют такие институты социализации, как семья, школа и система образования в целом. Огромную роль (учитывая высокий уровень религиозности американцев) в этом процессе играет церковь, поскольку для проповедников почти всех деноминаций американская история (например, деятельность так называемых «отцов-основателей») служит важным источником тем проповедей, стоящим по своей значимости на втором месте после Библии.

Как подчеркивают П. Джестер и Н. Кордс, авторы книги «Миф в американской истории», американская мифология создается совместными действиями нескольких сил. Это, прежде всего, историки, которые при всей их кажущейся аккуратности «вносят существенный вклад как в создание, так и в поддержание американской мифологии». Кроме того, к ним относятся СМИ (периодическая печать, а также радио и телевидение) [36, с. 290-300], киноиндустрия, другие источники информации, которые, повествуя о тех или иных событиях, стремятся не столько исследовать, сколько драматизировать их. Наконец, литература, музыка, изобразительное искусство, устное народное творчество, паломничество в места, связанные с легендарными историческими событиями, политическая риторика также вносят свой вклад в создание американской мифологии [6].

Процесс мифологизации усиливался под влиянием специфических, применительно к историческому опыту США, факторов, связанных с идеей «американской мечты», сыгравшей исключительную роль в становлении американцев как нации.

При отсутствии общего исторического прошлого и постоянном притоке все новых волн иммигрантов, представлявших разнородные культуры, мифология как ядро «американской мечты» по необходимости выполняла присущую ей интегративную функцию. Она должна была объединить всех оказавшихся на американской земле в единое целое и одновременно отделить их с помощью какой-то символики от неамериканцев, противопоставить первых вторым, подкрепив тем самым их веру в будущее и вселив надежду на успех. Однако, помимо интеграционной, «американская мечта» выполняла еще и идеологическую функцию. Она как элемент культуры, усваиваемой в процессе социализации, влияла на формирование установок американцев, включая лиц, определяющих внешнюю политику США [49, с. 50].

Важно, однако, что «американская мечта» выступала и как активный фактор формирования внешней политики США. Ориентации, присущие американцам в контексте существования такого феномена, как «американская мечта», играли немаловажную роль в определении целей и задач США на международной арене. Так, в период, когда осуществлялась колонизация Американского континента, «американская мечта» служила мощным стимулом к освоению новых земель, тогда как позднее, во время борьбы колоний Англии за свою независимость, рассмотренный выше комплекс мифов способствовал противодействию политике британской короны и одновременно служил оправданию курса на образование самостоятельного государства. Однако чем дальше развертывалась история Соединенных Штатов в пространстве и во времени, тем отчетливее обнаруживались двойственность, противоречивость «американской мечты», все более служившей обоснованию и оправданию экспансии США [49, с. 51].

Соответственно, в условиях XX в. «американская мечта» органичным образом материализовалась во внешнеполитической доктрине, которую принято называть вильсонианством, а после 1945 г., во время «холодной войны», указанные выше мифы, стали обоснованием необходимости вести борьбу с Советским государством.

В условиях формирования «нового мирового порядка», после исчезновения двухполюсного мира на внешнюю политику США оказывает сильное воздействие состояние эйфории, возникшее под воздействием перспектив глобальной гегемонии и статуса единственной сверхдержавы. Эйфория эта еще больше усилила роль традиционных мифов, и, как подчеркивает Э.Я. Баталов, американское политическое сознание (особенно в его внешнеполитическом аспекте) конца XX-начала XXI вв. «продолжает развиваться в русле традиций, начавших формироваться в Америке еще в колониальный период и в основе своей сохраняющих силу по сей день».

Список источников, литературы и электронных ресурсов

1. Brewer Paul R., Graf J., Willnat L. Priming or Framing: Media Influence on Attitudes Toward Foreign Countries // Gazette. – Vol. 65. – 2003. – № 12. – P. 493-508.
2. Bronfenbrenner U. The Mirror Image in Soviet-American Relations // Journal of Social Issues. – Vol. 17. – 1961. – № 1. – P. 45-56.
3. Crawford, Robert M.A. Idealism and Realism in International Relations: Beyond the Discipline. – London; New York: Routledge, 2000.
4. Finley D.J, Holsti O.R., Fagen R.P. Enemies in Politics. – Chicago: Rand McNally, 1987.
5. Gallup, George H. The Accuracy of U.S. Perceptions // Relations Between the United States and the Soviet Union. Committee on Foreign Relations. – Washington, 1978.
6. Gester P.M., Cords M. Myth in American History. – Encino; L., 1977.
7. Glad B. Black-and-White Thinking: Ronald Reagan's Approach to Foreign Policy // Political Psychology. – Vol. 4. – 1983. – № 1. – P. 33-76.
8. Gonover P.J., Feldman S. How People Organize the Political World: A Schematic Model // American Journal of Political Science. – 1984. – № 28. – P. 95-126.
9. Griffiths M. Realism, Idealism, and International Politics: A Reinterpretation. – London: Routledge, 1992.
10. Hunt, Michel H. Ideology and U.S. Foreign Policy. – New York: Yale Univ. Press, 1987.
11. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. – Princeton: Princeton University Press, 1976.
12. Jochen Von Bernstorff, Ingo Venzke. Ethos, Ethics and Morality in International Relations // MAX PLANCK ENCYCLOPEDIA OF PUBLIC INTERNATIONAL LAW / Ed. by R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2009. – URL: http://papers.ssrn.com/.
13. Jonas M. Isolationism // Encyclopedia of American Foreign Policy. 2006. – URL: http://www.americanforeignrelations.com/index.html.
14. Keen S. Faces of the Enemy. Reflections on Hostile Imagination. – San Francisco: Harper & Row, 1986.
15. Kegley Ch., Wittkopf E. American Foreign Policy: Pattern and Process. – New York: St. Martin's, 1987.
16. Kissinger H. The Moral Foundations of Foreign Policy // The Atlantic Community Quarterly. – Vol. 13. – № 3. – Fall 1975. – P. 270-281.
17. Klinberg, Frank L. The Historical Alternation of Moods in American Foreign Policy // World Politics. – January 1952.
18. Klinberg, Frank L. Cyclical Trends in American Foreign Policy Moods and Their Policy Implications // Challenges to America: U.S. Foreign Policy in the 1980s / Eds. by C.W. Kegley Jr., P.J. McGowan. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1979.

19. Klinberg, Frank L. Cyclical Trends in American Foreign Policy Moods: The Unfolding of America's World Role. – Lanham; London: University Press of America, 1983.
20. Klinberg, Frank L. Positive Expectations of America's World Role: Historical Cycles of Realistic Idealism. – Lanham; London: University Press of America, 1996.
21. Kristol I. Consensus and Disseny in US Foreign Policy // The Legacy of Vietnam: The War, American Society and the Future of American Foreign Policy / Ed. by A. Lake. – New York, 1976.
22. Kuehl, Warren F., Ostrower, Gary B. Internationalism // Encyclopedia of American Foreign Policy. 2006. – URL: http://www.americanforeignrelations.com/index.html.
23. Lippmann W. Public Opinion. – New York, 1922.
24. Lipset S. The Paradox of American Politics // The Public Interest. – Fall 1975.
25. Ninkovich F. The Wilsonian Century: U.S. Foreign Policy Since 1900. Chicago; – London: University of Chicago Press, 1999.
26. Reconstructing Realpolitik / Ed. by Frank Whelon Wayman, Paul Francis Diehl. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
27. Semetko, Holli A., Brzinski, Joanne Bay, Weaver D., Willnat L. TV News and U.S. Public Opinion About Foreign Countries: The Impact of Exposure and Attention // International Journal of Public Opinion Research. – Vol. 4. – Spring 1992. – P. 18-36.
28. Stand Alone. The Case for a New Isolationism. By Thanassis Cambanis // The Boston Globe. – February, 6. 2011.
29. Wilsonianism // Encyclopedia of American Foreign Policy / Ed. by Glenn Hastedt. – New York: Facts On File, 2004. – P. 520-521.
30. Арбатов Г.А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. – М.: Наука, 1970.
31. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990.
32. Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992-2007). – М.: РОССПЭН, 2009.
33. Болховитинов Н.Н. Салемская ведьма // Вопросы истории. − 1982. − № 10. − С. 187-189.
34. Гаджиев К.С. Американский протестантизм: История и современность // Новая и новейшая история. – 1993. – № 1. – С. 96-113.
35. Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. – М.: Андалус, 2007.
36. Гаджиев К.С. Роль средств массовой информации в пропаганде теории «американской исключительности» // Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура / отв. ред. Ю.К. Мельвиль, Е.Ф. Язьков. – М.: Изд-во Моск. унт-та, 1993. – С. 290-300.
37. Гаджиев К.С. США: протестантизм – религия американского образа жизни // Очерки истории западного протестантизма. – М., 1995.
38. Гаджиев К.С. США: эволюция буржуазного сознания. – М.: Наука, 1981.
39. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». − М.: Наука, 1994.
40. Гудков Л. Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков. – М., 2005. – С. 7-79.
41. Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. – 1988. – № 12. – С. 19-33.
42. Замошкин Ю.А. Вызовы цивилизации и опыт США: история, психология, политика. – М.: Наука, 1991.

43. Киселев И.Ю. Образ государства в международных отношениях и социальное познание // Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 3-13.
44. Киселев И.Ю. Образы государства в международных отношениях: механизмы трансформации // Полис. – 2003. – № 3. – С. 50-57.
45. Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997.
46. Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 112-121.
47. Малашенко И.Е. Массовое сознание: типология внешнеполитических ориентаций // США: экономика, политика, идеология. – 1984. – № 2. – С. 41-52.
48. Малашенко И.Е. Эволюция внешнеполитических ориентаций в американском массовом сознании // Проблемы американистики. – М., 1987. – С. 273-292.
49. Общественное сознание и внешняя политика США / колл. авт.: Замошкин Ю.А., Иванян Э.А., Петровская М.М. и др. – М.: Наука, 1987.
50. Петровская Е.В. Образ индейца-врага в истории американской культуры // Политическая мысль и политические действия. – М., 1987. – С. 71-87.
51. Петровская М.М. США: политика сквозь призму опросов. – М.: Междунар. отношения, 1982. – С. 41-42.
52. Рябцева Е.Е. Американское общественное мнение по основным проблемам внешней политики США во второй половине 80-х - начале 90-х годов: Дис.… канд. ист. наук. – М., 1998.
53. Современная внешняя политика США. В 2-х т. / отв. ред. Г.А. Трофименко. – М.: Наука, 1984.
54. Современное политическое сознание в США / отв. ред. Ю.А. Замошкин, Э.Я. Баталов. – М.: Наука, 1980.

Сапожникова Юлия Львовна,
д-р филол. наук, доцент
Кафедра английского языка
Смоленский государственный университет
г. Смоленск
sapojnikova.engl@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДОМ» В АНТИУТОПИЧЕСКОМ МИРЕ К. МАККАРТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу того, как меняется восприятие дома у героев романа «Дорога» К. Маккарти. Традиционно дом воспринимался как символ уюта и комфорта, олицетворял цивилизацию и культуру. Он также ассоциировался с личным пространством человека и являлся символом семьи и корней. Отголоски подобных ассоциаций еще сохраняются в сознании мужчины, одного из главных героев произведения. В то время как для его сына любой дом превращается во враждебное пространство и в ловушку. Трансформация данного понятия связана с произошедшей катастрофой, которая сделала невозможной прежнюю жизнь, а соответственно, внесла кардинальные изменения в картину мира населяющих его людей. К. Маккарти не просто показывает трансформацию данного понятия, но с его помощью помогает читателям понять основную мысль произведения.*

Ключевые слова и фразы: *антиутопия, «Дорога» К. Маккарти, понятие «дом», символ уюта, цивилизации, корней, гостеприимство, враждебное пространство, метафорическое понимание дома.*

Yulia Sapozhnikova,
PhD in Philology, Associate Professor
Department of the English Language
Smolensk State University
Smolensk
sapojnikova.engl@yandex.ru

THE TRANSFORMATION OF THE NOTION “HOME (HOUSE)” IN THE DYSTOPIAN WORLD OF C. McCARTHY

Abstract. *The article is dedicated to the analysis of how the perception of home is being changed in the main characters of “The Road” by C. McCarthy. Traditionally home has been looked upon as a symbol of coziness and comfort and has embodied civilization and culture. It has also been associated with personal space and has been the embodiment of family and roots. Reminiscences of such associations still exist in the consciousness of the man, one of the heroes of the book. Whereas for his son any home is turned into hostile environment and trap. The transformation of the notion under discussion is connected with a catastrophe which broke out some time before and which has made the previous life style impossible and correspondingly has brought about great changes in the worldview of all those inhabiting the world. C. McCarthy not only shows the transformation of this notion but also with its help he enables readers to fully understand the main idea of his novel.*

Key words and phases: *dystopia, "The Road" by C. McCarthy, the notion "home", the symbol of comfort and civilization, the embodiment of roots, hospitality, hostile environment, the metaphorical understanding of home.*

В романе «Дорога» К. Маккарти (2006), который получил Пулитцеровскую премию, описывается жизнь немногих выживших после какой-то неназванной катастрофы. Многие критики полагают, что писатель говорил о возможных последствиях ядерного взрыва [4]. Однако истинный характер случившегося не играет принципиальной роли в интерпретации текста, это событие просто становится точкой отсчета новой, отличной от привычной, жизни.

Именно поэтому мы рассматриваем данное произведение К. Маккарти в рамках традиции антиутопии, а не как один из текстов жанра постапокалиптики, как делают другие литературоведы [4; 5; 7]. Ведь для романов последней группы часто характерны интерес к самой катастрофе, ее подробное изображение, что отсутствует в тексте К. Маккарти. В качестве базового определения мы принимаем дефиницию антиутопии, предложенную И.Д. Тузовским: это «художественное произведение, в котором представлена ценностно- и эмоционально-неприемлемая для автора и читателя социальная модель, номинально несущая гуманистические функции предупреждения негативных вариантов развития общества в будущем…» [3, с. 149].

Одной из характерных черт жанра антиутопии является особая пространственная организация, «место действия – неопределенно-изолированное…, приобретающее только самые общие, принципиальные черты обжитого пространства» [1, с. 19]. В исследуемом романе главные герои (отец и сын) передвигаются по территории бывших США (которые превратились в выжженную пустыню с кое-где оставшимися домами, развалинами старых строений и другими признаками прежней жизни) с севера на юг. Изменившиеся условия существования подрывают и стирают бытовавшие раньше представления о жизни, базовые понятия: «The frailty of everything revealed at last. Old and troubling issues resolved into nothingness and night. The last instance of a thing takes the class with it. Turns out the light and is gone» [6].

Это касается и понятия «дом». Через соположение в одном контексте противоположных явлений писатель демонстрирует, какую трансформацию претерпевает старое понимание дома.

Традиционно дом всегда ассоциировался с комфортом и уютом, красотой, а порой даже роскошью: «China in a breakfront, cups hanging from their hooks. <…> There was an antique pumporgan in the corner. <…> Cheap stuffed furniture together with an old handmade cherrywood chifforobe»; «They walked through the diningroom where the firebrick in the hearth was as yellow as the day it was laid…»; « The house was tall and stately with white doric columns across the front. <…> Then they stepped into a broad foyer floored in a domino of black and white marble tiles. A broad staircase ascending. Fine Morris paper on the walls …» [6]. Однако сейчас повсюду царили разруха, грязь, опустошение: «No sign of life. <…> Trash in the floor, old newsprint. <…> Everything covered with ash»; «The peeling wooden clapboards were largely gone from the lower walls for firewood leaving the studs and the insulation exposed. The rotted screening from the back porch lay on the concrete terrace»; «Trash piled everywhere. A ruststained sink. Smell of mold and excrement»; «A long drive with dead grass. Dead ivy along a stone wall and a mailbox and a fence along the road and the dead trees beyond. Cold and silent. Shrouded in the carbon fog» [6]. Таким образом ключевыми словами для описания нынешнего состояния домов становятся единицы тематических полей «мертвый / лишенный жизни», «уничтоженный / разрушенный».

Дом также часто воспринимается как оплот цивилизации и культуры: «A television set»; «There was a small steel door that led into a second room where bottles of gas were stored. In the corner a chemical toilet. There were vent pipes in the walls covered with wire mesh and there were drains in the floor» [6]. В домашних библиотеках хранились книги, аккумулирующие мудрость многих людей. Но после катастрофы, когда практически все живое (птицы / скот) погибло, людей стали заботить лишь самые насущные нужды: как выжить и согреться, где найти пищу, поэтому дома превратились в место, где можно поспать, а, если повезет и ты найдешь запасы прежних владельцев, то и поесть: «They stayed at the house for four days eating and sleeping» [6]. Книги воспринимались теперь как предметы для разжигания и поддержания огня, а у некоторых они вызывали еще и яростное отторжение, так как не содержали правды о том, что предстоит человечеству, а значит, не подготовили его к произошедшему: «Years later he'd stood in the charred ruins of a library where blackened books lay in pools of water. Shelves tipped over. Some rage at the lies arranged in their thousands row on row» [6].

Дом также считается родным / освоенным пространством, символизирующим связь поколений и хранящим память о прошлом. Неудивительно, что когда отец оказывается в доме своего детства, он вспоминает, как на Рождество над камином висели носки с подарками, как он с сестрами делал уроки у камина, как его мама делала все, чтобы в камине не скапливалась копоть. Но для его собственного сына, никогда не встречавшегося с родственниками, этот дом представляет лишь опасность, он боится теней из прошлого отца, которые могут разделить их и заставить отца погрузиться в тот старый добрый мир, из которого он не захочет возвращаться, поэтому ребенок так настойчиво просит его поскорее уйти оттуда: «The boy watched him. Watched shapes claiming him he could not see. We should go, Papa, he said. Yes, the man said. But he didnt» [6]. Несовпадение старых и новых представлений о доме отчетливо видно не только в данном примере, но и в случае с бункером, полным еды и всего необходимого для жизни, который персонажи случайно находят во время путешествия. С одной стороны, ход в бункер напоминает спуск в могилу, данная ассоциация была сформирована в сознании отца на основе увиденных когда-то картин: «The faintly lit hatchway lay in the dark of the yard like a grave yawning at judgment day in some old apocalyptic painting» [6]. С другой стороны, для них этот бункер стал спасением от неминуемой смерти, местом, где они смогли набраться сил для дальнейшего пути, вновь обрели покой и веру в будущее, т.е. настоящим раем: «He'd been ready to die and now he wasnt going to and he… gazed one more time at this tiny paradise…» [6].

Наконец, дом в большинстве культур ассоциируется с гостеприимством, ведь путника всегда ожидали угощение и приют. Действительно, когда отец с сыном находят в бункере, а затем в одном из домов оставшиеся от прежних жильцов припасы, они воспринимают их как дары. Сын, родившийся после катастрофы и не знавший привычного для отца доброго отношения людей к другу, все же на подсознательном уровне понимает, что они должны поблагодарить за обретенную пищу и проводит некое подобие ритуала благодарения перед едой:

«Do you think we should thank the people?
The people?
The people who gave us all this.
Well. Yes, I guess we could do that.
Will you do it?
Why dont you?
I dont know how.
Yes you do. You know how to say thank you.

The boy sat staring at his plate. He seemed lost. The man was about to speak when he said: Dear people, thank you for all this food and stuff. We know that you saved it for yourself and if you were here we wouldnt eat it no matter how hungry we were and we're sorry that you didnt get to eat it and we hope that you're safe in heaven with God» [6].

Однако хозяева всех домов, в которых отец и сын находили еду, были мертвы, а большинство оставшихся в живых ожесточилось и превратилось в жестоких монстров, готовых на все ради выживания и воспринимающих других людей как врагов или, что еще ужасней, собственную добычу. Именно поэтому любая новая территория воспринималась главными героями как враждебная и таящая множество опасностей, которую, как на войне, нужно было предварительно обезопасить:

«We dont have to go upstairs, do we? the boy whispered.

No. Maybe tomorrow.

After we've *secure*d *the area* (выделено нами. – *Ю.С.*).

Yes» [6].

В противном случае их могли застать врасплох, как в ситуации, когда по ним начали выпускать стрелы из окна одного из домов или когда они чуть не попали в руки каннибалов. В последнем эпизоде отец потерял бдительность, так как они уже давно голодали и двигались из последних сил. Увидев старинный дом, впечатляющий внешним видом и кое-где оставшимися следами былой роскоши, отец понадеялся на возможность найти что-то съедобное и забыл о необходимых мерах безопасности. Осмотрев первый этаж и не найдя ничего стоящего, отец решил спуститься в подвал, где обнаружил группу полуживых людей, которых, как становится понятно из контекста, каннибалы пускали на еду. Только осознав это, отец заметил хитроумную сигнальную систему, с помощью которой новые жильцы этого дома выслеживали одиноких странников и заманивали их в ловушку, чтобы затем превратить их в замену скота: «One of the windows was slightly open and a cord ran from it and across the porch to vanish in the grass. <…> He stood and looked out the window… The cord that came through the window was tied to a brass bell and the bell was fixed in a rough wooden jig that had been nailed to the window molding. <…> Coming through the canebrake into the road he'd seen a box. A thing like a child's playhouse. He realized it was where they lay watching the road. Lying in wait and ringing the bell in the house for their companions to come» [6]. Однако в этом же контексте писатель показывает, что грань между прошлым и настоящим, а соответственно, между положительными и отрицательными ассоциативными значениями понятия «дом», достаточно неоднозначна и размыта. С помощью простого упоминания слова «slaves» при описании данного дома К. Маккарти заявляет, что и раньше (в добрые старые времена) многие люди жестоко обращались с себе подобными: «Chattel slaves had once trod those boards bearing food and drink on silver trays» [6]. Только раньше этот факт замалчивался, а после катастрофы вопросы приличия, сохранения видимости морали перестали кого-то интересовать, поэтому вся правда вышла наружу, именно поэтому, как нам кажется, автор достаточно часто при характеристике домов употребляет слово «exposed»: «The peeling wooden clapboards were largely gone… leaving the studs and the insulation exposed»; «The wooden lathes of the ceiling exposed» [6].

Изменившиеся условия физического и квази-социального существования вынуждают героев романа по-новому воспринимать окружающую их среду, держаться подальше от человеческого жилища и искать новые способы выживания. Достаточно часто домом им служит вырытый проход в замерзшей земле, который они обкладывают брезентом: «He dug a tunnel under one of the fallen trees, scooping away the snow with his arms... They dragged in their bedding and the tarp and after a while they slept…»; « …they dug themselves in where they could see back down the road through the trees for perhaps half

a mile. They were sheltered from the wind and they wrapped themselves in their blankets…» [6]. Такая ночевка напоминает зимовку животных и их жизнь в лесу, и автор намеренно усиливает эту ассоциацию, используя лексические единицы из соответствующей семантической группы: «…he pushed his way out of *their den*…»; «He trudged out through the drifts leaving the boy to sleep under the tree *like some hibernating animal*»; «He made *a nesting place*…» (выделено нами. – *Ю.С.*) [6]. Кроме того, как отмечают некоторые исследователи (например, Л. Вудсон), во многом дом им заменяет тележка, с которой они путешествуют и в которой хранят все, что у них есть [8]. Поэтому когда вор крадет ее, отец несколько раз повторяет, что они потеряли все: «…the cart was gone. Everything. <…> They took everything» [6].

На наш взгляд, однако, главная трансформация рассматриваемого понятия сводится к тому, что отец и сын становятся метафорическим домом друг для друга. Ведь под домом также понимается то место, где человека любят и поддерживают, о нем заботятся. Главные герои согревают (как в прямом, так и в переносном смысле) друг друга, проявляют поддержку и заботу: отец – «…he tried to find a clear space in the darkness but finally he put down the tarp and they just sat and pulled the blankets over them and he held the boy against him. <…> He held the boy and told him it would be all right and that it would stop soon and after a while it did. The dull bedlam dying in the distance»; сын – «He watched him come through the grass and kneel with the cup of water he'd fetched. <…> He'd wanted to try and make a tent out of the tarp but the man would not let him» [6]. Их существование имеет смысл, только если они рядом. Исследовательница жанра антиутопии О.В. Лазаренко отмечает, что в антиутопическом мире «выбор героями того или иного пространства предполагает выбор определенной линии жизни», при этом «речь идет не о перемене социального статуса, а о выборе принципиально нового типа личностного поведения» [2, с. 55]. Как нам кажется, такое понимание точно характеризует путь отца: в отличие от матери, которая просто сводит счеты с жизнью, по сути бросая семью, он решает быть вместе с сыном, сколько ему будет отмерено, помогает ему выжить и учит всему, что в дальнейшем может спасти его, при этом через свои поступки и изредка озвучиваемые мысли отец прививает ему базовые человеческие ценности, в первую очередь, учит любви.

Таким образом, рассмотрение понятия «дом» в его трансформации помогает понять не только особенности существования в новом мире после случившейся катастрофы, но и раскрывает специфику отношений между людьми в изменившихся условиях. Кроме того, исследование этого понятия способствует более глубокому пониманию основной темы произведения, заключающейся в том, что люди могут сохранить человечность, если они достаточно сильны, чтобы не сдаваться даже в самых страшных условиях, и при этом им есть о ком заботиться и кого любить.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – Саратов, 2009. – 48 с.
2. Лазаренко О.В. Русская литературная антиутопия 1900-х – первой половины 1930-х годов: проблемы жанра: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Воронеж, 1997. – 245 с.
3. Тузовский И.Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2009. – 312 с.
4. Cooper L.R. Cormac McCarthy’s «The Road» as apocalyptic grail narrative // Studies in the Novel. – Vol. 43. – No. 2 (summer 2011). – P. 218-236.

5. Kunsa A. «Maps of the World in Its Becoming»: Post-Apocalyptic Naming in Cormac McCarthy's The Road // Journal of Modern Literature. – Vol. 33. – No. 1 (Fall 2009). – P. 57-74.
6. McCarthy C. The Road [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/McCarthy_Cormac/The_Road.html.
7. The Cormac McCarthy Journal / ed. John Cant. – Vol. 6. – Autumn 2008. – 148 p.
8. Woodson L. Mapping «The Road» in Post-Postmodernism // The Cormac McCarthy Journal / ed. John Cant. – Vol. 6. – Autumn 2008. – P. 87-97.

Степанова Валентина Андреевна,
ассистент
Кафедра иностранных языков
Смоленский государственный медицинский университет
г. Смоленск
stepanovavalentinaandreevna@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗООМОРФИЗМОВ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В АФРОАМЕРИКАНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЗОРЫ Н. ХЕРСТОН «ИХ ГЛАЗА ВИДЕЛИ БОГА»)

Аннотация. *В статье рассматриваются процесс формирования афроамериканской культурной общности, а также роль животных в жизни коренного населения Африки, впоследствии перемещенного в Новый Свет. Раскрывается суть термина «зооморфизм», и приводятся несколько классификаций зооморфизмов. Демонстрируются примеры употребления сравнительных оборотов с зоонимами для описания действий и поступков героев романа Зоры Н. Херстон «Их глаза видели Бога». Особое внимание уделяется зоонимам с положительным и отрицательным маркером характеристики персонажа. Делается вывод об особенностях использования зооморфизмов в афроамериканской картине мира.*

Ключевые слова и фразы: *картина мира, афроамериканцы, зооморфизмы, зоонимы, Зора Н. Херстон «Их глаза видели Бога».*

Valentina Stepanova,
assistant,
The department of foreign languages
Smolensk State Medical University
Smolensk
stepanovavalentinaandreevna@gmail.com

THE USE OF ZOOMORPHISMS FOR PEOPLE'S CHARACTERIZATION IN AFRO-AMERICAN WORLDVIEW (AS EXEMPLIFIED IN THE NOVEL BY ZORA N. HURSTON "THEIR EYES WERE WATCHING GOD")

Abstract. *The article examines the process of Afro-American cultural community formation, as well as the animals' role in the life of the indigenous people of Africa, that later on was displaced to the New World. The essence of the term "zoomorphism" is revealed and several classifications of zoomorphisms are given. The examples of comparative phrases containing zoonyms used for the description of the actions and behavior of the characters from "Their eyes were watching God" by Zora N. Hurston are presented. Particular attention is paid to zoonyms that endow personages with positive and negative characteristics. The conclusion about the peculiarities of zoomorphisms' use in Afro-American worldview is made.*

Key words and phrases: *worldview, Afro-Americans, zoomorphisms, zoonyms, Zora N. Hurston "Their eyes were watching God".*

История развития афроамериканской культуры начинается с момента появления африканцев в Новом Свете. Массовое порабощение жителей черного континента привело к тому, что им пришлось привыкать к новым условиям жизни. Э.Л. Нитобург отмечает: «Лишенные географических, традиционных и социальных корней, черные рабы в обстановке чуждой и угнетающей их культуры были вынуждены адаптироваться – приспосабливаться к новой среде: осваивать английский язык, воспринимать новые навыки, нормы поведения, обычаи американского окружения» [8, с. 508]. Несомненно, изменения произошли и в картине мира африканцев, насильно переправленных в Америку.

Впервые о понятии «картина мира» заговорили в конце XIX – начале XX века. Под ней понимается «порожденная человеком упрощенная замена реального мира придуманной схемой мира или образом мира» [6, с. 4].

В случае с выходцами из Африки, перевезенными в Новый Свет, очевиден результат переплетения двух абсолютно разных культур: африканской и американской. В силу того, что на плантации в основном попадали рабы из разных частей африканского континента, были практически уничтожены возможности воссоздания старой социальной организации [1]. Несомненно, белые рабовладельцы делали это умышленно, чтобы исключить возможность объединения бывших соплеменников. Африканцы были вынуждены учить язык хозяев, свыкаться с их обычаями и традициями. Процесс культурной, социальной, бытовой и языковой ассимиляции привел к тому, что постепенно различия племенных культур сглаживались. Сложившаяся на американской почве общность судьбы и борьба против расовой дискриминации привели к появлению афроамериканцев [8]. Несмотря на это темнокожему населению в Америке все же удалось сохранить некоторые особенности африканской культуры.

Ключевым отличием афроамериканцев от белых являлось их отношение к окружающему миру. Американцы стремились поработить мир, для них были важны материальные, а не духовные блага. В то время как бывшие жители черного континента верили, что природа является источником жизни. Они не стремились покорять или контролировать её, а наоборот, бережно и уважительно относились ко всему живому, пытались понять себя через призму того, что их окружает [11, с. 137 – 139].

Следует отметить, что животные занимали важное место в повседневной, духовной и религиозной жизни выходцев из Африки. Особое отношение к животным отразилось в языковой картине мира афроамериканцев и способствовало появлению в их речи большого числа этноспецифических зооморфизмов.

Ф.Н. Гукетлова дает следующее определение зооморфизмов: это «названия животных в образном, метафорическом переосмыслении для характеристики человека» [4, с. 13]. Опираясь на эту трактовку можно заключить, что зооморфизмы называют всевозможные признаки, свойства и качества человека и охватывают широкое семантическое пространство.

С.В. Свионтковская выделяет пять основных аспектов зооморфных характеристик: 1) интеллектуальные качества; 2) характеристики темперамента; 3) физические данные; 4) морально-этические данные; 5) социально-коммуникативные качества [9].

Т.И. Гончарова дает более дробную классификацию зооморфизмов, относящуюся к отдельным параметрам описания внешности человека с помощью сравнения с животными:

- общее впечатление о внешности, фигуре человека;
- лицо в целом либо отдельные черты, части тела;
- физическая сила / слабость;

- походка;
- голос;
- возрастные особенности;
- сходство по выполнению функций [3].

Т.И. Гончарова также отмечает, что зооморфизмы чаще всего используются для выражения негативных качеств или характеристик человека, но встречаются и такие, которые отображают его положительные черты. Кроме того, некоторые зооморфизмы употребляются лишь по отношению к представителям определенного пола [3].

Материалом для анализа был выбран роман Зоры Н. Херстон «Их глаза видели Бога». В нем рассказывается о городке Итонвилль (Eatonville), жителями которого являются потомки бывших рабов, хорошо помнящие культуру африканских предков. Их речь насыщена зооморфизмами, характеризующими людей через уподобление с теми животными, которые занимали важное место в африканской картине мира.

Некоторые зоонимы (наименования животных) используются писательницей в традиционном значении для внешней характеристики описываемого человека. Так, примером описания быстроты движений является использование в сравнительном обороте зоонима OTTER (ВЫДРА), семантическим признаком которого является «скорость»: «Tea Cake split the *water like an otter*, opening his knife as he dived» [12, p. 166].

Для описания неповоротливости, неуклюжести человека автор прибегает к зооним BEAR (МЕДВЕДЬ), обладающему следующим семантическим признаком: неповоротливый, неуклюжий (clumsy) [14]:

«Logan with his shovel looked like a *black bear doing some clumsy dance on his hind legs*» [12, p. 31].

Для передачи такого качества, как «грациозность», в романе используется слово DEER (ОЛЕНЬ): «But the fourth day after he came in the afternoon driving a battered car. Jumped *like a deer*… » [12, p. 108].

Зора Н. Херстон также использует зооморфные образы, чтобы передать и другие характеристики человека. Например, в семантической структуре слова HEN (КУРИЦА) содержится признак «an older woman» [14], который указывает на определенную черту женщины – «возраст»: «You ain't no young pullet no mo'. You'se uh *ole hen* now» [12, p. 77].

Зооним BURRO (ОСЕЛ) служит, чтобы подчеркнуть покорность описываемых персонажей: «The men walking in front and the laden, stolid women following *them like burros*» [12, p. 154].

В семантической структуре зоонима CHICKEN (КУРИЦА) можно выделить следующие признаки:

- a young or inexperienced person;
- small or tender [14].

Эти семы дают представление о таких качествах, как «беспомощность», «молодость»: «Tony won't never hit her. He says beatin' women is just *like steppin' on baby chickens*» [12, p. 75]. Здесь подразумевается, что бить женщин равносильно убийству новорожденных цыплят, а значит, женщины для описываемого персонажа являются хрупкими юными созданиями, о которых нужно заботиться.

Имя птицы DOVE (ГОЛУБКА) содержит такие семы, как:

- gentle;
- innocent [14].

Эти семы дают представление о положительных качествах, присущих человеку – «нежность», «невинность»: «Ah ain't been sleepin' so good for more'n uh week cause Ah

been wishin' so bad tuh git mah hands in yo' hair. It's so pretty. It feels jus' *lak underneath uh dove's wing* next to mah face» [12, p. 103].

Семантическая структура имени домашнего животного CAT (КОТ, КОШКА) по данным толковых словарей содержит единицы, маркирующие такие качества женщины, как «подхалимство»: « …during the walk Mrs. Tony was so eager she sometimes stepped on Joe's heels, sometimes she was before him. Something *like a hungry cat when somebody approaches her pan with meat*» [12, p. 73], а по отношению к мужчинам «похотливость, сластолюбие»: «These men didn't represent a thing she wanted to know about. She had already experienced them through Logan and Joe. She felt like slapping some of them for sitting around grinning at her *like a pack of chessy cats, trying to make out they looked like love*» [12, p. 90]. Как видно из примеров, писательница использует оба значения.

Трепетное отношение афроамериканцев к природе можно проследить в том, как Дженни анализирует свои чувства к мужчине, ощущает зарождение любви, проводя параллель между собой и цветущим деревом, которое опыляется пчелами:

- по отношению к Джо: «He was very solemn and helped her to the seat beside him. <…> From now on until death she was going to have flower dust and springtime sprinkled over everything. *A bee for her bloom*» [12, p. 32];
- в случае с Кексом (Tea Cake): «She couldn't make him look just like any other man to her. He looked like the love thoughts of women. He *could be a bee to a blossom* – a pear tree blossom in the spring» [12, p. 106].

В обоих случаях зооним BEE (ПЧЕЛА) служит ассоциативно-образной основой маркировки определенной поведенческой характеристики – чувства любви главной героини.

Зора Н. Херстон вносит новое этническое видение в зооморфные образы. Так, в своем произведении писательница описывает социальное деление внутри общины, используя зооним COW (КОРОВА): «Jody told her to dress up and stand in the store all that evening. Everybody was coming sort of fixed up, and he didn't mean for nobody else's wife to rank with her. She must *look on herself as the bell-cow*, the other women were *the gang*» [12, p. 41]. Джо хочет указать на социальное положение Дженни, на то, что она стоит на ступеньку выше всех остальных жительниц города. Использование зоонима COW обусловлено тем, что корова является интернациональным символом материнства, плодородия и олицетворением богинь-матерей [2].

Особое внимание нужно уделить ассоциативному полю зоонима DOG (СОБАКА). Интересно отметить, что в сознании народов Африки собака обладает как положительными, так и отрицательными характеристиками. Согласно убеждениям одних (племя сафуа), собака относится к «нечистым» животным и именно из-за хитрости и небрежности собаки люди потеряли бессмертие. В мифах других племен (леле, бушонгов) собака ассоциируется с огнем, помощником на охоте, но при этом отмечается, что она боится человека [10].

Так, например, в сказке бушонгов рассказывается, что некогда собака жила в дикой глуши и боялась человека. Но голод и холод заставили её пойти в деревню, где она рассчитывала погреться у костра. Приняв собаку за воришку, человек уже собирался убить её, но та взмолилась и в обмен на место у костра и остатки еды пообещала помогать человеку на охоте, научить его уловкам диких зверей и никогда не воровать коз и кур. С тех пор собака служит человеку [5]. Подобная трактовка собаки находит отражение в двух контекстах:

1) в характеристике положения главной героини в семье и ее отношений с бабушкой, которая считает, что Дженни должна знать свое место, проявлять

покорность, готовность сносить всё, выполнять предписанную работу, а в случае непослушания быть наказанной:

«She had been whipped *like a cur dog*, and run off down a back road after things» [12, p. 89];

2) в описании намерений главного героя (Джо) по отношению к Дженни, он замечает, что не собирается сделать из нее прислугу, «собачонку», кого-то, кем можно помыкать, и что она достойна лучшего:

«Janie, if you think Ah aims to take you off and *make a dog outa you*, youse wrong. You mean dat, Joe? De day you puts yo' hand in mine, Ah wouldn't let de sun go down on us single. Ah'm uh man wid principles. You ain't never knowed what it was to be treated lak a lady and Ah wants to be de one tuh show yuh» [12, p. 29].

В следующем примере зооним DOG приобретает метафорическое значение, указывая на «болезнь», поразившую одного из главных героев (Кекса): «She tried to make the see how terrible it was that things were fixed so that Tea Cake couldn't come back to himself until he had got rid of that mad dog that was in him and he couldn't get rid of the dog and live. He had to die to get rid of the dog» [12, p. 187] (dog = болезнь). Ассоциация собаки с болезнью и смертью, возможно, восходит корнями к мифу племени сафуа, в котором собака и овца поспорили о том, должны ли люди умирать. Овца хотела, чтобы люди умирали, но воскресали, а собака требовала, чтобы они умирали раз и навсегда. Решить спор должно было состязание по бегу. Но собака посыпала дорогу солью, и овца остановилась ее полизать. Так из-за хитрости собаки люди потеряли бессмертие [5].

Анализ фактического материала показал, что чаще всего имена животных используются в произведении Зоры Н. Херстон для описания внешних характеристик человека (otter, bear), его возраста (hen, chicken), моральных качеств / физического состояния (cat, dog) и социального положения (cow). Полученные данные также позволили выявить их разделение на 2 группы: для описания отрицательных и положительных качеств или действий человека. Так, имена таких домашних животных и птиц, как cat, dog, burro, hen ассоциируются у афроамериканцев с негативными качествами и поступками человека. В то время как зоонимы deer, chicken, dove, bee и cow маркируют положительные качества. Можно сделать вывод, что сравнительные обороты с зоонимами являются своеобразными маркерами картины мира, они содержат особую символику, помогающую выявить предпочитаемые или осуждаемые личностные качества, а также наглядно демонстрируют этническую специфику отношения афроамериканцев к окружающему миру.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Абрамова С.Ю. Африка: четыре столетия работорговли. – М.: Наука, 1992. – 298 с.
2. Гибсон К. Символы, знаки, эмблемы, мифы в материальной и духовной культуре (пер. А. Озерова). – М.: Эксмо, 2007. – 160 с.
3. Гончарова Т.И. Универсальность и специфика языковых зооморфных картин мира: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. – Харьков, 1996. – 22 с.
4. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.02. – М., 2009. – 47 с.
5. Иорданский В.Б. Звери, люди, боги. Очерки африканской мифологии. – М.: Наука, 1991. – 319 с.

6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
7. Куражова И.В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново, 2007. – 23 с.
8. Нитобург Э.Л. Афроамериканцы США. XX век: этноисторический очерк. – М.: Наука, 2009. – 583 с.
9. Свионтковская С.В. Функции зооморфизмов в формировании прагматического потенциала художественного текста: на материале испанского и английского языков: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. – Пятигорск, 2000. – 225 с.
10. Татаровская И.Г. Мир животных в мифологическом сознании народов Тропической и Южной Африки. – Вестник МГТУ. – 2013. – Том 16, № 2. – С. 383-388.
11. Шустова Е.В. Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04. – Воронеж, 2008. – 43 с.
12. Huston Z.N. Their eyes were watching God. – NY: Harper Collins Publishers, Inc., 1998. – 219 p.
13. Myers L.J. Understanding an Afrocentric World View: Introduction to an Optimal Psychology. – 2nd Ed. – Dubuque Iowa: Kendall / Hunt Publishing Company, 1993. – 118 p.
14. Webster's New World Dictionary of American English. – 3rd ed. – NY: Webster's New World, 1988.

Козлова Анастасия Александровна
студентка 4 курса, бакалавр
Департамент истории и археологии
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток
kozlova.aa@students.dvfu.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЖИЛИЩНОЙ СЕГРЕГАЦИИ В ПРИГОРОДАХ США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Аннотация. *В статье рассматривается проблема социальной стратификации в американских пригородах на примере эволюции во второй половине XX в. такого важного социального явления, как жилищная сегрегация, т.е. дискриминация в доступе к жилищному рынку для определенных этнорасовых групп.*

Ключевые слова и фразы: *США, пригороды, межрасовые отношения, жилищная сегрегация.*

Anastasia Kozlova
Fourth year student, bachelor program
Department of History and Archeology
Far Eastern Federal University
Vladivostok
kozlova.aa@students.dvfu.ru

THE EVOLUTION OF RESIDENTIAL SEGREGATION IN THE USA SUBURBS IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY.

Abstract. *The article explores the issue of social stratification in the American suburbs on the example of the evolution in the second half of the XXth century of such important social phenomenon as residential segregation, i.e. discrimination in access to the housing for certain ethno-racial groups.*

Key words and phrases: *USA, suburbs, interracial relationship, residential segregation.*

Идеология белого превосходства последовательно сопровождала весь ход американской истории. После окончания гражданской войны, начиная со второй половины 1860-х гг., она получила новый виток развития, трансформируясь в политику сегрегации, которая еще около ста лет будет «официально» определять всю жизнь американского общества, начиная от образования и заканчивая решением жилищных вопросов.

С начала XX в. быстрый рост городского населения и крупных индустриальных центров привел к образованию в США больших городских агломераций, которые становятся зоной концентрации промышленности и населения США. Подавляющее большинство городских агломераций располагалось на Севере, куда еще со времен гражданской войны бежали с Юга афроамериканцы. В XX в. тенденции негритянской миграция с Юга на Север усиливаются. В итоге к 1960-м гг. афроамериканцы были самой урбанизированной нацией на североамериканском континенте, в противовес белым, устремившемся в пригороды [18, с. 171]. При этом, даже занимая «белые» места в городе, подавляющее большинство афроамериканцев оказалось запертыми в бедных,

переполненных преступностью районах – гетто. Такая система своими корнями уходит еще в XVIII – XIX вв., когда свободным неграм на Севере приходилось жить в ужасных условиях в связи с тем, что они не могли получить хорошую работу из-за конкуренции со стороны белых рабочих. Таким образом, жилищная сегрегация является характерной чертой американских городов середины XX в. Вместе с тем что мы знаем о сегрегации в пригородах? Ведь именно они в послевоенные годы, в связи с рядом структурных изменений в экономике, внутренней и внешней политики, стали стремительно разрастается, постепенно поглощая большую часть населения городов [16] и наглядно демонстрируя особенности социокультурной динамики американского общества на протяжении второй половины XX в., в том числе – на уровне взаимодействия разных этнических групп.

В своей работе «Мир американской семьи» М.В. Золотухина утверждает, что «пригороды строились скорее по финансовому, а не этническому признаку (в отличие от городских районов) и, в известном смысле, … превратились в новый плавильный котел Америки» [1, с. 107]. Мы считаем, что к данному утверждению стоит подходить осторожно. Массовые пригороды действительно поддерживали этническую и расовую ассимиляцию, когда итальянцы, поляки, греки и другие американцы европейского происхождения находили общую социальную основу, укреплявшую их самобытность как «белых», хотя определенная доля сегрегации присутствовала и здесь, о чем, в частности, свидетельствуют данные работы Н. Кантровица «Расовая и этическая сегрегация в Бостоне в 1830-1970 гг.» [9, с. 41-54]. В то же время до 1970-х гг. семьям афроамериканцев, азиатов и латиноамериканцев приходилось буквально сражаться за доступ к пригородному жилью, бросая вызов идеологии белого превосходства, скрытой в послевоенной пригородной среде.

По подсчетам социолога А. Миндлина, за десятилетие с 1950 по 1960 гг. в 25 городских агломерациях белое население пригородов увеличилось на 2 833 тыс. семей, а небелое – только на 112 тыс. семей [3, с. 15-19]. Такие скоромные цифры обусловлены страхом белых перед конкуренцией со стороны черных, претендующих на рабочие места, а также прямой ассоциацией социальных волнений и преступности с «черными» гетто. Кроме того, белые американцы боялись смены «цвета» района, где они жили, так как это могло привести к падению цены на жилье. Стоимость дома могла упасть более чем в два раза. На этом, в свою очередь, наживались спекулянты, продавая покинутый дешевый дом втридорога негритянским семьям. Согласно данным за 1956 г. от Филадельфийской жилищной ассоциации, дома в данном регионе стоили от 8 до 18 тыс. долл. [15, с. 11]. При этом изучение рынка жилья в Филадельфии показало, что всего лишь около 5% негритянских семей имеют доход, достаточный для того, чтобы купить дом, стоящий 12 тыс. долл. [2, с. 72]. Финансовая несостоятельность афроамериканских семей была характерна не только для Филадельфии, но и для страны в целом: в 1950-1960-х гг. их среднегодовой доход составлял около 50% дохода белых семей [4, с. 16]. Это объясняло малый процент стабильных афроамериканских домохозяйств в пригородах.

Помимо финансовых проблем, афроамериканцы сталкивались и с прямой сегрегацией. Так, до 1947 г. в покупке дома негритянским семьям могли беспрепятственно отказать. Позже, даже если цветной семье удавалось приобрести дом, по приезду она могла подвергаться дискриминации и насилию: поджоги, нападения, угрозы – сотни инцидентов засвидетельствованы в прессе. Например, в сентябрьском номере газеты «Милуоки Джорнел» (The Milwaukee Journal) за 1957 г. мы можем встретить статью о противодействии попыткам негритянской семьи поселиться в Левиттауне [14, с. 5]. А в 1951 г. в окрестностях Чикаго слухи о том, что одна черная семья арендовала местную квартиру, спровоцировали толпу местных активистов на

обыск здания. Агрессия в отношении цветного населения коснулась не только афроамериканцев, но и представителей других расовых групп. Так, в 1952 г. китайско-американская пара Грейс и Синг Шэн при попытке купить дом в пригороде Сан-Франциско вынуждена была вскоре отказаться от этой идеи, т.к. белое большинство пригорода устроило голосование по этому вопросу. Со счетом 18 «за» и 174 «против» разочарованные Шэны решили переехать в другое место. Эта мрачная сторона послевоенной истории пригородов привела к тому, что историк А. Хирш называл 1940-е и 1950-е гг. «эпохой скрытого насилия» [16].

В 1960-1970-х гг., жилищная сегрегация в пригородах приобретает новый характер, количество цветного населения в пригородах постепенно растет. В 1960-е гг. Америку потрясла «негритянская революция», в ходе которой афроамериканцы добились прекращения расовой дискриминации в различных сферах общественной жизни. В том числе это касалось и жилищного вопроса. Правовая ситуация начинает меняться с принятием Закона о справедливом жилищном строительстве (1968 г.) и Закона о равных возможностях кредитования (1974 г.). Однако открытым остается вопрос о том, насколько соблюдались эти законы, если отказы в ипотеке цветным (1200 семей) и белым (3300 семей) составляют 28% у первых и 10% у вторых, при том что число кандидатов из цветных семей изначально меньше, а процент отказа больше [5, с. 324]? Разумеется, здесь нужно учитывать настороженность банкиров, связанную с выплатой кредитов, ведь, как показывает статистика, процент задолжавших цветных семей был выше, чем белых.

Кроме того, доходы афроамериканских семей в эти годы продолжали оставаться низкими, это как и в 1950-х гг. мешало покупке собственного дома, кроме того, пытаясь косвенным образом ограничить поток черной миграции в пригороды, компании по продаже недвижимости часто предлагали им районы с более высокими налоговыми ставками [11, с. 886]. Это входило в противоречие с большим количеством желающих переселиться в пригороды в эти годы. Бюро переписи сообщало, что с 1970 по 1977 гг. темпы роста черного населения превысили темпы роста белых в пригородах [11, с. 876]. Такие же данные предоставляет Дж. Т. Дарден в своей работе «Жилищная сегрегация чернокожего населения в пригородах» [7, с. 8]. Автор работал с данными Бюро переписи населения по десяти областям штата Мичиган за пределами центральных городов и пришел к выводу, что с 1960 по 1970 гг. в этих центральных городах со значительным количеством чернокожих отмечался высокий процент черной миграции из городов в пригороды. При этом, несмотря на большой поток желающих переселиться, количество чернокожего населения в пригородных районах редко превышало 5 тыс. чел., в отличие от белого населения. Это подтверждает тезис о том, что подавляющее большинство малообеспеченных афроамериканских семьей с большей вероятностью было вынуждено возвращаться в черные кварталы из-за своей финансовой несостоятельности.

Изменился и характер прямого взаимодействия черных и белых. Если у первых все же были финансы для переезда, то есть, если ранее имела место выраженная агрессия со стороны белых, вплоть до бомбежки дома, то в 1970-х гг. она приобретает более сглаженный, пассивный, но по сути своей все такой же враждебный характер. Об этом рассказывает в своем интервью Карен Рассел – дочь известного баскетболиста того времени Билла Рассела. Когда они всей семьей перебрались в богатый пригород Сиэтла в 1973 г., полиция постоянно преследовала их, а также другие автомобили, за рулем которых были черные, проверяя салон и документы без видимой на то причины. Сталкивались негритянские семьи и с более яркой агрессией. «Мне было три или четыре года, когда прогуливаясь по набережной с другом моей семьи, один молодой человек, проходивший мимо нас, сказал: “Ты маленький ниггер”. Мне сказали, что я

улыбнулась ему, когда он продолжил: “Они должны отправить всех вас, черных павианов, обратно в Африку”», – вспоминает Карен [17, с. 23].

Таким образом, в целом, с течением времени противостояние приобретало все более пассивную форму, белые просто предпочитали не селиться в районах с черным населением, готовы были переплатить за дом в более «белом» районе. Также данные о мобильности американского населения между 1980 и 1990 гг. показали, что увеличение доли чернокожего населения в белом пригородном районе на 10 процентных пунктов с 1980 по 1990 гг. повышает на 2,5-3 процентных пункта вероятность того, что белое домохозяйство в ближайшее время переедет в менее цветной район [5, с. 235]. Однако это правило не абсолютно. Важно учитывать не только прирост черного населения, но и его общую массу. Например, в Сионе, штат Иллинойс, численность чернокожего населения увеличилась более чем в четыре раза между 1960 и 1970 гг., тем не менее белое население также увеличилась на 13% [12, с. 313]. Важным здесь было то, что первоначально количество афроамериканцев было очень мало. В другом же пригороде Иллинойса – Маркхеме черное население изначально было велико в 1960 г. (21,4%) и быстро росло между 1960 и 1970 гг. (218,6%), и здесь белое население сократилось на 14,9% [12, с. 319]. Поэтому справедливо будет заметить, что, когда черное население первоначально относительно невелико, темпы роста белого населения независимы от темпов роста черного. Но когда черное население относительно велико, то скорость его роста существенно влияет на миграцию белого населения.

Таким образом, жилищная сегрегация в пригородах сохранялась и после либерализации законодательства в 1960-1970-х гг., но постепенно трансформировалась в относительно мягкое сопротивление, что в целом приводит к очевидному росту числа цветного населения в пригородной зоне после 1970-х гг. Если в 1970 г. афроамериканцы, латиноамериканцы и азиатские американцы составляли менее 10% населения пригородных районов, то к 2010 г. – уже 28% [16]. Важно отметить, что большая часть из них приходилась именно на азиатов и латиноамериканцев, которые после либерализации иммиграционного законодательства начали массово переселятся в США. Так, за период 1981-1990 гг. число приезжих из стран Латинской Америки составило около 3,5 млн. чел. Азиатов за этот же период прибыло 2,8 млн. чел [4, с. 19].

Латиноамериканцы, в отличие от выходцев из Азии, которые занимают сравнительно высокое социальное положение в новом обществе (можем говорить о том, что с 1990 г. их средний заработок был выше, чем у белых [4, с. 19]), по своему социальному и финансовому положению идут вровень с афроамериканцами: доля высокооплачиваемых профессионалов среди них примерно равна – около 17%, соедовательно, теоретически, процент проживающих в пригородах для этих двух групп не должен существенно отличатся [6, с. 19]. Однако на практике это не подтверждается [6, с. 19] – количество высокооплачиваемых специалистов латиноамериканцев, проживающих в пригородах Среднего Запада, – 45%, а среди афроамериканцев – всего 25%. Для азиатов процент самый высокий – 58%, хотя он уступает количеству белых – 65%.

На уровне школьного образования в пригородах на 1990-е гг. афроамериканские ученики также оказалась в наименее выгодном положении – индекс сегрегации (0 – полная интеграция, 1 – полная сегрегация) среди них составлял 0,37, в противовес 0,28 у латиноамериканцев и 0,26 у азиатов [8]. Хотя в целом пригородные школы были менее сегрегированы, чем городские.

Таким образом, среди различных расовых групп, проживающих в пригородах, афроамериканцы являются самой дискриминируемой общностью. Во многом это объясняется исторически обусловленной проблемой интеграции черного и белого населения. Так, в 1970-х гг. около 70% афроамериканцев хотели бы соседствовать с

черными семьями [5, с. 321], в отличие от латиноамериканцев и азиатов, которые проявляют больше желания жить в районах, где преобладают белые [13, с. 613]. Большое значение для обеспечения более «привилегированного» положения латиноамериканцев имело то, что они долгое время идентифицировали себя как «белых» [4, с. 19]. При этом когда уже в 1990-е гг. латиноамериканские группы стали относить себя к отдельной группе «латино», подобно афроамериканцам, подчеркивающим свою двойственную самоидентификацию, индекс их сегрегации повысился.

Таким образом, на конец XX в. проблема интеграции, в том числе и в пригородах, оставалась открытой, т.к. наталкивалась на видимые препятствия с обеих сторон. Однако говорить о полном провале интеграции мы не можем, так как насильственное сталкивание черных и белых имело для первых положительные результаты в виде активизации их адаптации в обществе и повышении качества жизни, что подтверждается на примере программы Гатро (Gautreaux), начало которой было положено в 1966 г. [10, с. 1-27]. Основа данной программы – переселение бедных афроамериканских семей в белые районы, в том числе и в пригородах. Программа предусматривала полное вливание в местную жизнь, поэтому негритянские дети теперь пошли учиться в белые школы, где более высокие академические стандарты имели положительные последствия для детей – т.н. эффект сверстников, о чем свидетельствуют и более высокие оценки по окончании школы, и большой процент поступивших в колледж, а также в дальнейшем удачно устроившихся на работу по сравнению со сверстниками из городов, которые чаще ходили в более расово-однотипные школы в бедных районах.

Таким образом, сегрегация в пригородах во второй половине XX в. – это динамичное явление, которое менялось в том числе и под влиянием крупных структурных изменений – от прямой агрессии в эпоху «белых пригородов» 1950-х – 1960-х гг., до социально-расовой дифференциации пригородного состава и смягчения сегрегации после либерализации законодательства в 1970-х гг. Однако, несмотря на то, что по некоторым показателям пригороды выступают как менее сегрегированное сообщество в сравнении с городами, вопросы интеграции все еще являются актуальными и для начала XXI в.

Список источников, литературы и электронных ресурсов:

1. Золотухина М.В. Мир американской семьи. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – 320 с.
2. Нитобург Э.Л. Субурбанизация и негритянские гетто в США // Советская этнография. – 1968. – № 5. – С. 65-78.
3. Нитобург Э.Л. США: цветовой барьер в прошлом и настоящем // Новая и новейшая история. – 1997. – №2. – С. 15-19.
4. Согрин В.В. Социальная структура США в эпоху постиндустриального общества // Новая и новейшая история. – 2008. – № 3. – С. 3-21.
5. Boustan L.P. Racial Residential Segregation in American Cities // NBER Working Paper. – 2013. – №19045. – P. 318-339.
6. Darden J.T. Differential Access to Housing in the Suburbs // Journal of Black Studies. – 1990. – Vol. 21. – №1. – P. 15-22.
7. Darden J.T. The Residential Segregation of Blacks in the Suburbs: The Michigan Example // Annual Meeting of the Association of American Geographers in New York. – Apr. – 1976. – P. 1-21.

8. Fry R. Racial and ethnic interaction in suburban schools [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pewhispanic.org/2009/03/31/v-racial-and-ethnic-interaction-in-suburban-schools/.
9. Kantrowitz N. Racial and Ethnic Residential Segregation in Boston 1830-1970 // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1979. – Vol. 441, Jan. – P. 41-54.
10. Kaufman J.E. The Education and Employment of Low-Income Black Youth in White Suburbs / J.E. Kaufman, J.E. Rosenbaum // Center for Urban Affairs and Policy Research. – 1991. – Vol. 14. – № 3. – P. 1-27.
11. Logan J.R. Racial Segregation and Racial Change in American Suburbs, 1970-1980 / J.R. Logan, M. Schneider // American Journal of Sociology. – 1984. – Vol. 89, №4. – P. 874-885.
12. Marshall H. Black and white population growth in American suburbs: transition or parallel development? / H. Marshall, J. Stahura // Social Forces. – 1979. – Vol. 58, №1. – P. 305-328.
13. Massey D.S. Suburbanization and segregation in U.S. metropolitan areas / D.S. Massey, N.A. Denton // American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94, № 3. – P. 592-626.
14. Molotsky I. Levittown 30 Years Later // New York Times. – 1977. – 2 October. – P. 1.
15. New Housing Available to Negroes-July 1953 to June 1955 // Philadelphia Housing Association. – 1956. – P. 11.
16. Nicolaides B., Wiese, A. Suburbanization in the United States after 1945 // Oxford Research Encyclopedia of American History. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://americanhistory.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780199329175.001.0001/acrefore-9780199329175-e-64?rskey=EAyqyg&result=4#acrefore-9780199329175-e-64-tableGroup-1.
17. Russell K. Growing up with privilege and prejudice // New York Times. – 1987. – 14 June. – P. 23.
18. Sharp H. The changing color composition of metropolitan areas / H. Sharp, L.F Schnore // Land Economics. – 1962. – Vol. 38. – № 2. – P. 171.

Американистика на Дальнем Востоке:
ежегодный бюллетень

Выпуск 4

Отв. редактор Д.В. Кузнецов
Редактор О.А. Рыкова

Лицензия ЛР № 040326 от 19 декабря 1997 г.
План университета 2018 г.
Заказ № …
Усл. печ. л. …
Тираж 100 экз.

Издательство Благовещенского государственного
педагогического университета
675000, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Ленина, 104

9 785833 104118